

ОЛЕГ МАРКЕЛОВ



ОТСТАВНОЙ
ДИВЕРСАНТ



Любимчик Судьбы

Олег Маркелов

Отставной диверсант

«Автор»

2009

Маркелов О. В.

Отставной диверсант / О. В. Маркелов — «Автор»,
2009 — (Любимчик Судьбы)

Когда твоя родина отправляет тебя своим среди чужих, а непобедимые обстоятельства в одно мгновение превращают в чужого среди своих, самым лучшим вариантом будет остаться ничьим. Иначе не выжить, иначе не выбраться из пут Судьбы, не избежать участи подопытной крысы. И тогда останется лишь положиться на волю случая и благосклонность Суки-Судьбы.

Олег Маркелов

Отставной диверсант

*Но все проходит в мире бренном.
Уж глаз не тот, нет сил, дрожит рука...
Лишь память все еще ярка о поле бранном,
И ржавчина как кровь покрыла лезвие клинка.
Бокал вина «за павших» молча поднимая,
Мы, всеми позабытые, в плену годов своих,
Завидуем тихонько тем, кто в чуждеальном крае,
Геройски пал, оставшись в списке вечно молодых...*

Хеллмар

Майкл поднес пляшущий огонек армейской зажигалки к кончику сигареты и глубоко затянулся крепким, чуть сладковатым дымом. В уютном кафе-баре порта Нью-Сити оказалось на удивление малоллюдно. Нью-Сити разросся, как и сам Вандер, сателлитом которого он являлся. Теперь они совершенно слились, превратившись в единый большой город. Однако, извечных социальных различий между рабочим Вандером и Нью-Сити, в котором жили состоятельные преуспевающие люди, меньше от этого внешнего объединения не стало. Скорее всего, именно из-за этого аэропорт построился не где-нибудь, а в непосредственной близости от Нью-Сити. И потому никого не удивляло, что большая часть пассажиров не уезжала дальше границ этого респектабельного района.

Никсон прилетел в свой родной город, собираясь именно тут провести полученный от командования десятидневный отпуск. Но едва только бегущая дорожка горизонтального эскалатора вынесла его из посадочного рукава в просторный зал прилетного терминала, как ноги налились свинцом, совершенно отказываясь нести хозяина. Малыш наткнулся взглядом на полутемную арку входа, над которой кроваво мерцали буквы названия – «Дастархан». А, так как ноги все равно не слушались, Майкл нырнул в пещерный полумрак. И вот теперь, заказав предложенный гостеприимным официантом с явной арабской внешностью коньяк «Амрита», завезенный из Союза Исламских Республик, Никсон сдался без боя нахлынувшим воспоминаниям.

Его детство и юность прошли на улицах Вандера, заложенного после окончания Всемирной Войны в промышленной зоне Старой Европы. Катаклизмы страшной войны не только перекроили полотна материков, глобально переписав заново политическую карту мира, но и всерьез изменили климат. Многие земли Старой Европы, где когда-то процветали различные государства, оказались теперь вовсе не привлекательными для тех, кто имел хоть какую-то возможность выбирать, где жить. Зато, столь неуютные места пришлось по нраву промышленникам, готовым строить целые города из заводов и окружающей их инфраструктуры. Именно таким промышленным городом с огромными предприятиями и армией рабочих всех объединившихся в Федерацию национальностей стал заложенный в одной из неблагоприятных зон Вандер.

В этом городе когда-то давно у Никсона были верные друзья и любимая девушка... Малыш одним глотком опустошил широкий низкий бокал из толстого стекла, словно в нем плескался не благородный ароматный коньяк, а безымянное крепкое пойло, которое только и можно было пропихнуть внутрь организма таким вот поспешным решительным глотком. И даже не почувствовал мягкий густой вкус напитка. Затянувшись сигаретой, Майкл постарался вызвать в памяти их лица, но вдруг осознал, что помнит только общие черты, словно образы

расплывались, скрывшись в тумане времени. И эмоции, когда-то обжигающие сердце и душу, сейчас совершенно не трогали, превратившись в спокойную грусть. Подчиняясь жесту, немолодой официант поставил на его столик еще один бокал с темным прозрачным напитком.

Неожиданно и оттого слишком громко зазвучала бодрая мелодия звонка вызова коммуникатора. Никсон вздрогнул, возвращаясь из печальных воспоминаний:

– Алло! Я слушаю.

– Привет, брат! – ожил коммуникатор голосом Ралфа Филби. – Надеюсь, я не оторвал тебя ни от каких приятных занятий отпускника? Ты не с подружкой?

– Нет, – немногословно ответил Никсон.

– Понятно. Значит, у тебя депресняк, – догадался Ралф. – Ты хоть на Земле?

– На Земле, – разговорился Майкл, как всегда радуясь голосу верного друга. – Я в Ван-дере. Прости, просто настроение неважное. Я рад тебя слышать.

– Ну, слава Богу! – вздохнул облегченно Филби. – Ты будешь занят?

– Когда?

– Я просто хочу встретиться, – пояснил Ралф. – У меня нарисовалось пара свободных дней. Так что, если ты не возражаешь, я мог бы прилететь к тебе в Вандер.

– А где ты сейчас? – спросил в свою очередь Никсон.

– Я в Ла-Пасе, но через три часа вылетаю в Салоники. Там дел на пару часов и я свободен, – рассказал Филби. – Могу махнуть в твой Вандер, и завтра уже гостить у тебя. Тем более, с городком твоим я уже неплохо знаком.

– Летишь в Салоники? – удивился Малыш, пропуская мимо ушей предложение друга. – Так это же нейтральная земля.

– Ну, что-то типа того. Но, нейтральная, это не земля безвластия, – согласился Умник, не понимая, куда клонит его друг. – Да и хрен с ним. Ты что, брат, от ответа уходишь? Не хочешь видеть меня в гостях? Не хочешь мне достопримечательности своего городка показывать?

– Да нет, брат, – ответил в тон другу Никсон. – Я всегда рад тебя слышать и видеть. И, очень надеюсь, что ты это сам знаешь. Просто, я никогда не был в Салониках. Так что, зачем нам ждать до завтра? Ты доделывай в Ла-Пасе свои делишки, а потом встретимся в Салониках.

– Не понял? – переспросил Ралф.

– Да расслабься, брат! – рассмеялся Малыш. – Я вылетаю в Салоники. Уже сейчас. Созвонимся и встретимся там вечером...

Малыш нажал клавишу отбоя и, допив коньяк, поднялся. Бросив на столик чип в десять кредитов, он покинул «Дастархан». Уверенным шагом Майкл вернулся в зал, направляясь к кассам. Теперь ноги держали его так же крепко, как и всегда. Вандер стал для него совершенно чужим городом, и больше ничто не удерживало его здесь, и не влекло его сюда. Никсону нечего было тут делать. Он больше не был сыном Вандера. Он давно уже стал солдатом Федерации...

* * *

Юргас Ишанов испытывал двоякое чувство. С одной стороны, вечер обещал стать весьма урожайным – в принадлежащем ему баре «Ковчег» уже сейчас было негде яблоку упасть. С другой стороны, какое-то недоброе предчувствие не позволяло ему успокоиться и радоваться текущим в его карманы деньгам всех стран и народов. Точнее, не всех, конечно. Основной поток состоял из денег Евразийской Империи, Союза Исламских Республик и Федерации Объединенных Наций. Именно эти три государства организовали в одном из городов Старой Европы своего рода нейтральную территорию. Салоники, по одному Богу понятным причинам, стал общим городом для всех государств. Город разросся, превратившись в гигантский мегаполис. И именно в Салониках просторно раскинулся самый большой из существующих на планете Земля космопортов.

Сегодня в «Ковчеге» собралось необычно много имперских солдат. Видимо какая-то группировка готовилась отбыть из космопорта в долгий боевой поход, и отцы-командиры позволили своим солдатам немного отдохнуть до получения стартовой отмашки. Впрочем, русские частенько бывали в баре Ишанова и неизменно радовали его своей щедростью, каждый раз гуляя как в последний раз. И не количество пехотинцев Евразийской Империи напрягало сейчас Юргаса. Стоя у двери своего офиса, скрытой полутьмой глубокой арки, Юргас осматривал зал, чаще других уголков бара задерживая взгляд на столике, за которым шумно оттягивались трое весьма колоритных имперцев.

Самым заметным из них выглядел двухметровый гигант, столь широкий в плечах, что рост его терялся, ощущаясь только в сравнении с соседями по столу. Бычья шея разбегалась от ушей и складчатого бритого затылка к налитым нечеловеческой тяжестью плечам. Бревна слишком длинных рук, казалось, чудом не продавливали столешницу, а широкая, бугрящаяся мускулами грудь навевала ассоциации со скошенной танковой броней. К тому же, когда он поднимался со стула, чтобы заказать еще выпивки или прогуляться в сортир, бросалось в глаза, что, в отличие от рук, ноги были явно коротковаты. Столь яркую картину дополняли массивные надбровные дуги, нависающие над маленькими глазками и искривленная и сплюснутая многочисленными переломами переносица. Впрочем, в его облике была одна черта, слегка разбавляющая мрачный общий вид – торчащие в стороны маленькие смешные ушки. Второй из этой троицы – высокий широкоплечий стройный парень с кожей цвета темной бронзы, выдающей в дальних родственниках представителей афро-какой-то расы. Возможно, темная кожа оставалась бы незамеченной, если бы не ослепительно белозубая улыбка, достойная кинозвезды любого уровня. Наверняка этот красавчик оставлял за собой шлейф влюбленных девочек. Третий пехотинец меньше всего привлекал взгляд и больше других походил на настоящего солдата – сухой и немного сутулый, он смотрел по сторонам жестким взглядом черных глаз сверкающих на лице несущем следы многих контактов с противником: от измененной формы бровей, носа и скул, до целой коллекции разномастных шрамов.

Одним словом, эта троица гляделась как отпетые забияки и дебоширы. И именно со стороны этого столика с русскими пехотинцами, Юргас ожидал проблем. Он в который раз уже окинул взглядом зал, прикидывая, кто может оказаться потенциальным противником троицы или катализатором беспорядков, но ничего явного не заметил. На всякий случай Ишанов подал знак старшему вышибале смотреть в оба. Конечно, случись потасовка, вышибалы мало что сумеют противопоставить профессиональным бойцам с реальным боевым опытом за плечами, но хоть как-то замедлить погром до подхода полиции, возможно, окажется им по силам.

Дверь бесшумно отворилась и Юргас обмер. Вот они – проблемы. Вот он – катализатор... На пороге, обшаривая зал ищущим взглядом, стоял мужчина в повседневной форме пехотинца Федерации Объединенных Наций с нашивками сержанта и шевроном на котором вытянулся в прыжке черный ягуар. Но ужас Ишанова вызвала вовсе не форма сержанта, тем более что он был не единственный представитель вооруженных сил Федерации.

Покрытый ненормальными по своему размеру мускулами сержант выглядел как форменный душегуб. В нем все было гармонично – и эти мускулы, и мягкие движения хищника, и пугающее агрессией лицо со взглядом, от которого невольно хотелось отвести глаза, несмотря на то, что они скользили по собравшимся в баре не задерживаясь. Даже ростом он был под стать двухметровому русскому. За столиком, где отдыхала колоритная троица, моментально притихли. И это показалось Юргасу самым верным предупреждением о надвигающейся беде. Имперцы с интересом рассматривали замершего на пороге человека оценивающими взглядами. Само по себе появление столь заметного посетителя вполне могло показаться подвыпившей троице вызовом.

– Разнесут, – пробурчал себе под нос Ишанов. – Как пить дать весь бар разнесут, чертовы кабаны.

Свирепое лицо осматривающего зал сержанта вдруг озарила радостная улыбка. Он взмахнул рукой и устремился вглубь зала. Юргас проследил направление его движения и только теперь заметил одиноко сидящего за столиком болезненно-худого парня с костлявым лицом и покрасневшими от усталости глазами. Он выглядел бы как какой-то полоумный фанатик, черпающий силы в стимуляторах и антидепрессантах, если бы не такая же форма вооруженных сил Федерации. Рукав тощего также украшал сержантский шеврон, а над ним каплей неба голубел треугольник, определяющий принадлежность к рядам одного из многочисленных аналитического отделов флота. Подсевший к тощему тотчас махнул официантке рукой. Девушка приняла заказ и расторопно принесла заказанную бутылку виски и два стакана. Гигант расплескал понемногу в стаканы. Негромко бросил несколько неторопливых слов. Помолчали, думая о чем-то своем, а потом так же молча выпили.

На голове Ишанова волосы встали дыбом, когда он увидел, как троица имперских пехотинцев поднялась и, расходясь веером, устремилась к недавно прибывшему...

* * *

Малыш разлил по второй. Совсем недавно он, так и не выйдя из терминала аэропорта, покинул Вандер. И не испытал практически ничего, кроме давно притупившейся грусти. Теперь же боль и тоска навалились на него, словно пираньи на подраненного пса, свалившегося в их реку. Слишком свежи были воспоминания событий на далекой планете Зелдар, где он потерял многих своих верных боевых друзей. И больше, чем друзей...

– Судьба такая штука, брат, – посетовал Ралф, подхватывая свой стакан. – А ты знаешь, что зелдарцы хотят поднять свой город Дагроф? Это первый город на Зелдаре, который начнут застраивать федералы. Помнишь, что я говорил? Едва месяц минул с тех пор, как вас оттуда вытянули, а первые партии строительной техники уже на планете. И контракты с крупнейшими строительными компаниями уже подписаны. Правительство Федерации открыло финансирование этого проекта восстановления Дагрофа. Аборигены просят на площади водрузить на постамент старый разбитый бот. Вот уж чудaki.

– Чудaki, – согласился Никсон, вспоминая, как ментат Рогл просил подарить племени воинов Дагрофа тот самый бот, на котором отделение сержанта Макфлая рухнуло на Зелдар.

«Если ваша лодка для вас совершенно не нужна больше... Она ведь больше не может летать. Мы могли бы перетащить ее в город. Мы создали бы из нее памятник. Установили бы ее на удачу, чтобы она как талисман оберегала племя» – говорил он, убеждая Малыша.

Стивен Макфлай, Ирмгард Шерман, Тинмагомед Руми, Алекс Николас, Максимильтян Гилберт, Данко Корсон, и даже Левор Гански... Все они нашли на Зелдаре свой последний приют.

– Давай-ка, брат, выпьем за наших друзей, которые остались вечно молодыми, не вернувшись с Зелдара, – предложил Никсон, но, поймав встревоженный взгляд Филби, обернулся.

За его спиной полукругом стояли трое солдат Евразийской Империи, по всей видимости, решивших не искать повода для драки, а самим его оперативно сгенерировать. Майкл напрягся, понимая, что вряд ли успеет, но тут вдруг самый здоровый из троицы заговорил:

– Нет-нет, мы извиняемся за беспокойство. Я услышал, что вы поминаете павших друзей. Мы ошиблись. Добрых воспоминаний вам, а им вечная память...

Он развернулся и шагнул прочь со сконфуженным видом. Да и было от чего сконфузиться – какой солдат, терявший своих друзей, не поймет человека той же профессии. И хорошо, что еще успели услышать, о чем говорят эти федералы. А то, затеять драку в такую минуту – это почти то же, что веселиться на чужих похоронах или гадить на чужих могилах.

– Постой, – окликнул его Никсон совершенно неожиданно даже для самого себя. – Раз уж пришел, присядь. Мы поминаем павших друзей. Уверен, что тебя Судьба не обошла горькими воспоминаниями.

Огромный уродливый имперец опять, словно самоходная установка, всем корпусом развернулся к столику, удивленно глядя на гостеприимного федерала.

– Да, мне довелось воевать и терять друзей... – кивнул он.

– Я заметил, – Малыш указал взглядом на несколько боевых наград, украшающих широкую грудь имперского солдата. – Присаживайся. И друзья твои пусть идут к нашему столу. В ногах правды нет. Меня Малышом зовут. А это – Умник.

– Я – Лютик, – ответил взаимностью русский гигант, подсаживаясь на свободный стул, и жестом приглашая своих друзей. – А это – Красавчик и Чума...

* * *

– Ой, мама! – простонал Филби, с трудом отрывая раскалывающуюся на части голову от подушки. – Это мы вчера не хило посидели. Эй, Майк! Ты где? Ты жив?

Ралф никак не мог позиционировать себя на местности. Одно было совершенно очевидным – он очнулся от тяжелого похмельного сна в номере какой-то гостиницы, лежащим в одних трусах поперек кровати, но с подушкой под головой. Впрочем, наличие подушки совершенно не играло роли – голова болела так, словно всю ночь ее использовали вместо футбольного мяча, а во рту не иначе, как сотня кошек нагадила. Дверь едва слышно скрипнула и на пороге появился Никсон, одетый в просторные брюки спортивного покроя и гражданскую светлую рубаху с коротким рукавом. Лицо гиганта несло печальный зеленоватый оттенок.

– Ты очухался, брат? – толи спросил, толи констатировал он, подбрасывая Ралфу пластиковую банку пива. – Держи. Подлечись.

Банка оказалась холодной, словно лед и оттого покрытой конденсатом. Филби решительно дернул кольцо, но как холодна не была банка, тем не менее, брызги все же разлетелись по всей комнате. Ралф не придавал этому никакого значения, жадно вливая в пересохшую глотку благодатный напиток.

– Ты меня спас! – воскликнул он радостно, вытряхивая на язык последние капли. – А из русских-то кто-нибудь в живых остался?

– Да они совсем как огурчики, – восхитился Майкл, протягивая вторую банку. – Верно Лютик вчера говорил, что водка создана для того, чтобы русские не правили миром.

– А мы пили водку? – спросил Умник с искренним удивлением в голосе.

– Мы пили вчера все, что только имело хоть какой-то градус, – заверил Малыш, разливаясь в потертom кресле. – А после того, как с Юргасом побратались, только водку и пили.

– С Юргасом? – изумился Ралф.

– Ну да. Ты что, не помнишь?

– Честно говоря... – Филби замолк, пытаясь отыскать в закоулках памяти окончание вчерашнего вечера, но мозг его сейчас, словно допотопный компьютер, просто зависал, не справляясь с поставленной задачей.

– Это уже совсем поздно было, – терпеливо разъяснил Майкл. – Когда кабак закрылся. Не знаю точно, но этот Юргас там какая-то шишка. Толи управляющий, толи еще кто. Только странный немного. Все радовался, что мы с русскими подружились.

Филби откупорил было вторую банку, но в этот миг его внутренности подпрыгнули, устремляясь к горлу. Он мгновенно стал белый как мел и покрылся холодным липким потом, а в следующий миг уже мчался к дверям туалета.

– Эх, не прижилось пиво, – посочувствовал Никсон, провожая друга взглядом. – Надо было чего покрепче принести. Клин-то клином вышибают...

* * *

От обжигающего густого кофе шел такой уютный аромат, что хотелось прикрыть глаза и наслаждаться теплом и спокойствием. Крепкий напиток буквально возвращал к жизни и хоть Ралф все еще не решался съесть чего-нибудь, но организм его уже совершенно успокоился, да еще и терзавшая голову боль отступила, своим уходом рождая чувство подобное легкому опьянению.

– Кажется, жизнь налаживается, – заключил Филби, отмечая, что Никсон тоже выглядит сейчас совершенно нормально, полностью оклемавшись после вчерашней попойки.

Оба друга были облачены в гражданскую одежду, которая все же не могла превратить столь колоритную парочку в обычных рядовых горожан. Впрочем, здесь в Салониках, как раз обычных горожан при пересчете, наверное, оказалось бы меньшинство. Средиземноморский город, расположенный практически на стыке границ трех крупнейших государств человечества, кишел военными, сотрудниками спецслужб, служащими различных представительств и миссий... Даже из тех, кто жил в городе на постоянной основе, мало кто мог бы похвастаться своим коренным происхождением. В Салоники съезжались люди со всего света, в надежде хорошо подняться. Ведь в этом мегаполисе нескончаемым потоком текли деньги и клубились вихри событий, как и положено на стыке разных миров, коими являлись Евразийская Империя, Федерация Объединенных Наций и Союз Исламских Республик.

– Ты знаешь, Майк, – начал Ралф, после очередного большого глотка кофе. – Я же с тобой хотел встретиться не только для того, чтобы друга повидать. У меня есть предложение, касающееся твоего будущего.

– Прямо так глобально? – улыбнулся Малыш. – Своеобразный у тебя похмельный синдром.

– Послушай, я совершенно серьезно, – возразил Филби. – Ты перерос свою действительность. Что тебя ждет? Шеврон сержанта ты получил за Зелдар. Дальше тебе не подняться без офицерской школы. Но, диверсионная группа – удел рядовых и сержантов. Офицеры командуют подразделениями намного более спокойными. Разве что только начнется война с кем-нибудь. А к кабинету, который ты, скорее всего, получишь, отучившись, ты вряд ли стремишься. А что все это значит? Признайся себе честно, брат. Это значит, что ты уперся в тупик.

Майкл собрался, было, возразить другу, но... Большая часть ставшей ему родной семьей группы осталась на Зелдаре. Им со временем, наверняка, воздвигнут какой-нибудь обелиск, но живы они лишь в памяти тех немногих, кто сам еще не отправился в мир иной. Для всех остальных они остались в прошлом мелькнувшей на миг строчкой сводок, на которой и глаз-то не задерживается надолго. Внезапно в памяти всплыли слова Влада Масарика, который шефствовал над Малышом, когда тот только распределился после учебки в диверсионно-разведывательную группу. «Проредили нас здорово» – рассказывал тогда Влад: «Всех ветеранов повыбивали. Такой период был – что ни рейд, то пара погибших в группе. Просто черная полоса. Вот и остались мы самыми старыми». Этот разговор случился несколько лет назад. А сейчас все обстояло еще хуже: Макс Майер, носящий оперативный позывной Упырь, чудом выживший на Зелдаре, не стал продлевать контракт и с чистой совестью, хорошим выходным пособием, пожизненной пенсией ветерана и памятью в виде обрядной зелдарской татуировки во все лицо, вышел в мир, чтобы пожить в свое удовольствие. Другой ветеран группы – Уильям Кеплер или Бубен, у которого контракт тоже истекал в ближайшие месяцы, воспользовался правом перейти в преддверии увольнения в запас на спокойное место службы, так же, как Упырь, посчитав, что отдал Федерации вполне достаточно для своей дальнейшей спокойной жизни на гражданке. Из молодых сумели выбраться только Борис Шефцов «Эльф», да Ив Бертон «Санта», которые продолжали служить в группе, так как контрактам их еще не скоро суждено истечь. Вот и полу-

чилось, что Майкл Никсон остался самым старым в группе, да и привязанностей таких, как раньше ни к кому не имел. Вскоре группу должны были доукомплектовать личным составом, но... Одним словом, Малыш совершенно ничего не терял, если бы именно теперь ушел искать себя в каком-то новом направлении. Он не знал пока, что хочет предложить Ралф Филби, но отлично понимал, что уже сейчас на восемьдесят процентов согласен. Или на девяносто...

– И что ты мне хочешь предложить? – серьезно спросил Малыш, забыв про первый порыв возразить.

– Я оформился в офицерскую академию, – начал Умник. – Это отличное элитное заведение в Ла-Пасе. Правда, мне пришлось согласиться на перевод из нашего Разведывательного батальона, да и вообще из Земного флота в Бюро Разведки и Контрразведки.

– Так значит, тебя можно поздравить с повышением, хоть и в другом ведомстве? – обрадовался за друга Никсон. – Я всегда считал, что тебе самое место среди самых секретных агентов и тех, кто за ними охотится.

– Все это весьма относительно и условно, но все равно, спасибо, – кивнул Ралф и продолжил. – Я сдам дела и улечу в Ла-Пас, где проведу ближайший год. Но мы сейчас не об этом говорим. Совершенно случайно я узнал, что в Бюро Разведки и Контрразведки началось кадровое расширение. В том числе в отделе силовой поддержки, который является элитой подразделений специального назначения. Вот я и подумал – а почему бы тебе не поднапрячься, да и не перейти к ним. Легкого перехода не обещаю, но, кое какую помощь окажу.

– Ты мне предлагаешь тоже попытаться стать супершпионом? – усмехнулся Никсон, вспоминая, как еще в детстве, насмотревшись дешевых фильмов про супергероев, сам мечтал стать таким же неуловимым, беспощадным к врагам, опасным, как...

– А, почему бы и нет? – пожал плечами Филби. – Подготовка у тебя дай Бог любому силовику. Поучиться немного и вполне можно работать. Не Боги горшки обжигают. Зато и для карьерного роста возможностей миллион. И сама работа несравнимо интереснее, чем по лесам бегать.

– Плох тот диверсант, который не мечтает бегать по чужим городам, – возразил Малыш. – А ты говоришь – по лесам.

– Это если война начнется, – отмахнулся Умник.

– Начнется. Обязательно начнется. И, сдастся мне, не за горами этот день, – вздохнул тяжело Никсон, снова вспоминая тех, с кем ему не суждено больше встретиться никогда. – Первый раз, на Новых Колониях, мы только со следами, можно сказать, столкнулись. На Зелдаре, уже более явное присутствие чужаков, хоть и в прошлом времени. Как говорят русские – Бог троицу любит. А третий раз и в бой вступить можно.

Это являлось истинной правдой. Человечество стремительно расширяло освоенные и исследуемые территории, научно-исследовательские суда устремлялись все дальше, к потенциально интересным для людей планетам, автоматические станции уносятся прочь, пересылая «топографию» неисследованного космоса... При таких темпах наткнуться на транспортную артерию чужаков, а то и на обжитой ими мир, можно в любую секунду. Вот сидят они сейчас, пьют безумно вкусный кофе, а через мгновение – бац, и война на пороге твоем. И не то, что кофе пить, дышать забудешь как.

– И что я должен сделать, если поддамся на предлагаемую тобой авантюру? – спросил Майкл, уже приняв внутренне решение.

– Все просто, как два файла переслать, – улыбнулся Ралф, почувствовав, что его предложение оказалось для друга весьма кстати. – Вот тебе адрес. Это сервер Бюро. Туда ты должен послать заявление в вольной форме о рассмотрении твоей кандидатуры кадровой службой. Обязательно укажешь свой идентификационный номер. И всё. Все необходимые данные по твоей кандидатуре они найдут сами. Только одно обязательное дополнение. В теме отправления обязательно укажи «вниманию капитана Райзека». Он уже в теме и заинтересован тобой.

– Интересно, что ты обо мне ему понарасказывал, – нахмурился Малыш.

– Да если честно, практически ничего не рассказывал, – признался Умник. – Я смонтировал минутный ролик из кадров твоих отчетных сканирований. А капитан Райзек занимается моим переводом из флота в Бюро. Вот я ему и подкинул этот рекламный клип. Так сказать – товар лицом. Маркетинговый ход.

– Ты пройдоха, – констатировал Никсон, даже не пытаясь предположить, куда заведет его новый путь, на пороге которого он сейчас совершенно неожиданно оказался.

– Я знаю. Только не забудь меня проинформировать, когда что-то в твоей жизни начнет меняться. Я хоть и буду очень занят в ближайший год, но, как минимум быть в курсе твоих дел смогу вполне. А то, вдруг, да и помочь чем-то окажусь в силах. Да, чуть не забыл. Полагаю нам лучше держать связь через общественный почтовый портал, как мы делали раньше. Не стоит давать возможность кому-нибудь лишний раз читать нашу переписку...

* * *

– На каждого из вас в отдельности и всех нас вместе взятых, возложена важнейшая задача обеспечения национальной безопасности Федерации Объединенных Наций, – шеф учебного потока выглядел как оживший персонаж фильма про суперагентов: спортивное телосложение, хороший, идеально пошитый и также идеально сидящий костюм, строгая, волосок к волоску стрижка, мужественное лицо с пронзительным взглядом. – Каждый из вас должен быть готов действовать на территории Федерации или в любой момент оказаться в тылу любого из ведомых или неведомых нам государств. Вы должны одинаково хорошо и результативно уметь действовать как в одиночку, так и при назначении в рабочую группу.

Шеф окинул взглядом курсантов, привычно отмечая, как нелепо само понятие «курсант» звучит по отношению к тем, кто собрался в этой аудитории. Здесь, в Торжественном Зале гигантского учебного центра, расположенного в горах Северной Америки неподалеку от Стоктона, царила почти торжественная и немного напыщенная атмосфера. На то он и Торжественный Зал. И в этом зале, в этой торжественной обстановке собрались лучшие бойцы из разных подразделений вооруженных сил Федерации Объединенных Наций.

– Ускоренные методы загрузки информационных пакетов непосредственно в мозг человека, отработанные нашими технологами в совершенстве, позволят вам хорошо знать местность стран потенциального противника, их языки и диалекты. Ваши знания должны оказаться решающим преимуществом перед врагом, которое вы должны использовать для полного выполнения возложенных на вас задач. Тренировки внимательности позволят вам обнаруживать изощренные ловушки и засады. Навыки боевой подготовки, которые привьют вам инструкторы, дадут возможность действовать смело и решительно в момент непосредственного контакта и, не давая врагу опомниться, громить его огнем или в рукопашном бою. Вы должны обучиться искусству психологической мимикрии, которая позволит ничем не выдавать себя раньше срока. Ведь внезапность – это одно из важнейших условий достижения успеха. А самое главное – никогда не сдаваться. Бюро Разведки и Контрразведки легко довольствуется самым лучшим. Это особенно касается отдела силовой поддержки. Многие из вас не сумеют пройти до выпускного экзамена. Но, те, кто дойдет, действительно станут самыми лучшими. Когда-то давно политическая карта мира пестрела заплатами государств, будто лоскутное одеяло. Но, видимо, в те времена вопросам национальной безопасности уделяли недостаточно внимания. Недостаточно для того, чтобы сохранить хрупкий мир. И вот теперь государства, которые сумели выжить, изменившись под реалии жизни, стало возможно пересчитать по пальцам одной руки. Федерация Объединенных Наций, храни ее Бог, объединила в своих пределах совершенно разные народы, раскинувшись на землях Америки, Африки и Старой Европы. Мы объединили всю мощь самых развитых государств, которые уцелели после страшного удара

русских, применивших для предотвращения ядерной войны и гибели всего человечества свое новое оружие под названием «Гнев Посейдона». Наверняка, это действительно оказалось наименьшим из зол, но половина мира исчезло с лица земли. Однако остались еще и те, кто хотел бы видеть мир иным. Наверняка вы все их отлично знаете. Это и Евразийская Империя, основной организующей составляющей которой послужила Россия и страны Восточной Европы, уцелевшие страны Востока и некоторые страны Азии. Это – Союз Исламских Республик, объединивший в себе все страны Азии не вошедшие в Евразийскую Империю, часть африканских государств и малая часть европейских. Вне сомнения, таким государством является и Государство Алатырь – единственное государство, расположенное вне планеты Земля, основная часть которого расположена на Марсе. Австралию упоминать не стану, так как она играет слишком пассивную политическую роль, и в случае обострения ситуации станет скорее жертвой, нежели полноценным игроком. Сколько бы патоки ни было в переговорах политиков всех этих стран, но за слащавыми речами кроются амбициозные планы. И в этих условиях именно вы и ваши товарищи из других подразделений Бюро Разведки и Контрразведки должны и можете обеспечить сохранность того мира, в котором мы живем...

«Какой маразм» – подумал про себя Никсон, невольно вспоминая нелегкие для гражданского своенравного парня дни, проведенные на учебном корабле Земного флота.

Однако, относительно маразма, Майкл ошибался. Едва отзвучала речь шефа учебного потока, как за курсантов взялись старшие учебных отрядов. И взялись так, как и не снилось сержантам подразделений учебного корабля Земного флота...

* * *

– Такие бронекостюмы существуют повсеместно и отлично прижились в мобильной пехоте.

Шеф-инструктор кивнул, и у огромного трейлера опустился длинный борт. Внутри в несколько рядов на массивных креплениях висели легкие бронированные костюмы, массивные и даже на расстоянии осязаемо тяжелые.

– По сравнению с тяжелыми боевыми костюмами, наподобие «Авенджера» или «Голиафа» имеют как преимущества, так и слабые стороны, – продолжил шеф-инструктор. – В Евразийской Империи подразделения облаченные в аналогичные костюмы странно называют латной пехотой. У нас чаще всего их неверно называют тяжелой пехотой, а в простонародье – банками. Неверно именовать их именно тяжелой пехотой, потому, что, хоть они и тяжелы, по сравнению с рядовым пехотинцем, но, кто же тогда пехота в «Голиафах»? До бронетанковых сил им далеко, а вот тяжелой пехотой как раз назвать можно. Значит, про облаченных в эти костюмы можно было бы сказать средняя пехота. Но, как не странно таковой у нас нет. И правильнее всего назвать их просто штурмовыми доспехами. А банками в народе их зовут потому, что соотношение стали и мяса внутри примерно как в железной банке с консервами.

Один из сержантов запрыгнул на открытый борт и подсел под «вывернутый» в разные стороны костюм, прилаживая наплечные упоры.

– Сержант сейчас продемонстрирует вам порядок облачения в штурмовой доспех «Торнадо». Вы все видели пехоту в штурмовых костюмах со стороны, но, мало кто из вас понимает, что это такое на самом деле, – пояснял шеф-инструктор. – Это весьма современное средство, компактнее которого со столь же серьезным коэффициентом защиты создать пока не удалось. По сути – это формованные бронеплиты, соединенные в единый костюм посредством подвижных креплений и приводов. Вес пустого костюма около полутонны. Запас хода триста километров. Хренова куча креплений для навесного оборудования. Но, в отличие от тяжелого боевого костюма, наподобие упомянутых «Авенджера» или «Голиафа», никакого процессора, объединяющего все функции и приспособления в единую боевую машину, окружающую пехотинца

тут нет. В этом костюме, который просто будет одет на вас как рубашка, вы сможете рассчитывать только на свои навыки и умения. Поэтому чаще всего вооружение пехотинца в штурмовом доспехе состоит из тяжелого пулемета или автоматического гранатомета. И ничего лишнего. Это не «Голиаф», который сам половину оружейного склада потащит и еще с автоматической транспортной тележкой может коммутироваться. Работа в штурмовом доспехе совсем нелегкое дело.

Сержант убедился, что костюм плотно сел на плечи и нажал клавишу активации. Крепления с лязгом начали защелкиваться. Толстые бронеплиты сошлись на груди, животе, ногах...

Через несколько секунд таких трансформаций он стал действительно походить на фантастического латника из неведомого сказочного мира. Для полноты картины не доставало только жуткого боевого топора или гигантского двуручного меча.

– Специально разработанные для таких костюмов сплавы отлично сопротивляются обстрелу из любого ручного стрелкового оружия. Конечно, против серьезной бронетехники такой пехотинец не сможет воевать на равных, но, для обычных пехотных порядков он представляет весьма серьезную угрозу.

Сержант несколько секунд постоял без движения, а затем, заставив всех курсантов невольно вздрогнуть, легко спрыгнул с платформы. Земля гулко отдалась на такой прыжок полутонного латника. Впрочем, какой бы ужасающе толстой ни была формованная броня, однако и воспринимался этот костюм именно как облаченный в доспех человек, а не как боевой механизм с водителем внутри.

– Адаптация для боя в таком костюме практически не требуется. Солдат способен перемещаться настолько легко, что может даже участвовать в рукопашной свалке, – перечислял достоинства доспеха шеф-инструктор. – Кроме того, эти костюмы обеспечивают настоящую мобильность, потому, что их может перевозить практически любая транспортная техника. А малые размеры позволяют вести бой в стесненных городских условиях, заходя, наравне с обычной пехотой в здания. Также не требуется использования лишь специального вооружения, предполагая, что штурмовики будут использовать стандартные виды обычного стрелкового оружия. Конструкция бронеперчаток позволяет вести огонь хоть из пистолета. Правда, в легкости есть и слабые стороны. Такие штурмовые доспехи отнюдь не герметичны. Как следствие, вам стоит опасаться стрельбы противника из огнеметов или агрессивно-жидкими боеприпасами. Остальное вы усвоите во время занятий с сержантами. Метод погружения всегда дает несоизмеримо лучший результат. Сержант! Они полностью ваши!

Остаток дня превратился в стальной кошмар. Каждому в учебной группе достался штурмовой доспех. И едва только последний закончил экипироваться, сержант повел группу на ускоренный марш-бросок...

* * *

Одно из креплений не выдержало, и тяжелая стокилограммовая груша просела, завалившись на один бок, словно обмякший противник.

– Неплохо! – довольно хмыкнул сержант-инструктор, по достоинству оценивший серию ударов, которой Никсон буквально расстрелял спортивный снаряд. – Неплохо, курсант! А теперь, бегом в боулинг!

Майкл потрусил в сторону окруженной стальной сетью просторной площадки, с одной стороны которой громоздились кучей пять десятков двадцатикилограммовых мячей. Кому первому пришла в голову идея назвать эту площадку «боулингом», теперь уже никто не помнил. Но, очевидно, что человек этот либо не видел никогда настоящего боулинга, либо обладал извращенным чувством юмора. С тем же успехом можно было назвать этот тренажер, к примеру, бильярдом. Суть заключалась в том, чтобы тренирующийся на этом тренажере курсант

перекидал «от груди» все мячи с одного края прямоугольной площадки на другой, а потом сложил их там в такую же пирамидальную кучу для следующего подхода. Упражнение развивало силу ударов руками с включением в движение всего тела. Малыш подскочил к горе мячей и начал яростно швырять их в сетку на противоположном конце площадки.

Ему нравилось то, что с ним происходило. Каждый раз жизнь заставляла его осознавать ограниченность своего мира и своих возможностей и забираться на новую более сложную и интересную ступеньку. Когда-то в Вандере он считал себя крутым и серьезным. Но, убегая от пинков Судьбы оказался в армии и понял – да, он силен, да, не робкого десятка... Но по сравнению с теми, кто должен был сделать из вновь прибывших гражданских юнцов нормальных солдат, ему совершенно нечем оказалось похвастать. Учебка закончилась, и Никсон попал в действующую разведывательно-диверсионную группу. И вновь выросшего в своих собственных глазах Майкла ждала новая ступень понимания себя – товарищи по группе имели намного большие опыт и навыки чем он. Теперь и опыта ему достает, и в бою он бывал не раз. Но вновь, по прихоти Судьбы, оказался таким же курсантом по сравнению с новыми инструкторами. Психологические тренинги, силовая подготовка, техника рукопашного боя, сеансы ускоренного обучения многочисленным наукам... Одним словом, Никсон каждый вечер, бросив уставшее за долгий насыщенный день тело на койку, ощущал, что стал еще чуть-чуть умнее, сильнее, совершеннее.

– Эй, курсант Никсон! – позвал Малыша сержант-инструктор. – Ко мне!

Майкл бегом исполнил команду, вытягиваясь перед сержантом для доклада.

– Тебя вызывает капитан Ваннах, – прервал его сержант, глядя на курсанта исподлобья. – Бросай все и галопом к нему. Кабинет восемь-восемь-один. Бегом, курсант!

Никсон сорвался с места и с ускорением выметнулся из тренировочного зала, ломая голову над тем, на кой черт он столь срочно понадобился штатному кадровому аналитику учебного потока. Особо уж ломать голову смысла не было – все равно не угадаешь, а через пару минут и без того выяснится. Малыш в мгновение ока домчался до названного сержантом-инструктором кабинета на восьмом административном этаже учебной базы и, постучав, решительно распахнул дверь.

– Сэр! Курсант Никсон по вашему приказанию прибыл, сэр! – рявкнул он, вспоминая времена учебки, когда курсанты драли глотки в постоянных: «Сэр! Так точно! Никак нет...».

– Проходите, Никсон, – кивнул на стул напротив его рабочего стола капитан, придвигая к себе открытую пухлую папку. – Присаживайтесь. В ногах правды нет.

– Сэр. Есть, сэр.

– Прекратите это, Никсон, – попросил Ваннах негромко. – Вы же ветеран. Так какого черта вы глумитесь над моими ушами. Оставьте эти крики для сержантов-инструкторов. Договорились?

– Вполне, – согласился Майкл, которому в голову неожиданно пришла мысль, что капитан Ваннах вовсе не тот, за кого себя выдает.

Ему вдруг вспомнились разговоры с майором Лукиным, гореть ему в геенне огненной. Тогда майор говорил: «Кто-то из великих сказал – никогда не будет в мире покоя, пока вы не выколотите патриотизм из человеческого рода. Мир много сложнее, чем видится через систему наведения с опознаванием «свой – чужой». Многие запутались в этих понятиях и живут по самим собой придуманным законам. Часто враг вовсе не тот, кого врагом мы по инерции считаем. Большая война давно закончилась, и многое изменилось с тех пор. Мне нужен кто-то, кто будет выполнять некоторые мои поручения, информировать меня о делах на базе и рейдах вашей группы, рассказывать о повседневной жизни вашего подразделения. Мне хотелось бы знать некоторые вещи, которые происходят в рейдах, которые знают твои коллеги, но не информируют о них командование. У каждого есть свой скелет в шкафу. И мне очень бы хотелось, знать побольше об этих скелетах. В свою очередь я смогу оказать поддержку в дальней-

шем карьерном росте и продвижении по службе...». Майор Лукин так и не нашел поддержки ни у Никсона, ни у других бойцов их разведывательно-диверсионной группы. Он сам оказался крысой, для которой нет ни Родины, ни чести. К счастью он за это поплатился, к несчастью, произошло это слишком поздно, когда уже успели пострадать многие хорошие невинные люди.

А что если и этот капитан Ваннах тоже какой-нибудь особист или сотрудник отдела внутренних расследований, который ищет для себя осведомителя. Оттого и перешел на такой почти свойский стиль общения.

– У меня к тебе один очень серьезный, хоть и недолгий вопрос, – улыбнулся лейтенант, но в глазах его не отразилось никаких эмоций. – Ты уже осознаешь, куда попал и какой может быть твоя дальнейшая карьера?

– Вполне, – повторился Никсон, все больше убеждаясь, что сейчас начнется разговор на неприятную тему.

– Это славно, – кивнул капитан каким-то безразличным тоном. – Тогда сразу перейду к делу.

Он разложил перед собой в ряд несколько извлеченных из папки листков, быстро пробега по ним взглядом:

– На правом плече цветная татуировка расположенная на боковой части дельтовидной области плеча изображающая герб Разведывательного батальона Первой дивизии Земного флота в виде черного леопарда, кинжала и тернового венка, – начал читать с одного из листов капитан Ваннах. – На левом плече татуировка синего цвета, занимающая всю дельтовидную область, большую часть задней и передней области плеча, часть лопаточной области, часть боковой области шеи, ключичной, подключичной и грудной областей. Рисунок выполнен в виде древнего обрядного орнамента...

Малыш изумленно вытаращился на офицера, чувствуя себя размечаемой для разделки тушей и совершенно не понимая, что происходит. Тем временем капитан Ваннах продолжал:

– Вытянутый шрам на передней части теменной области. Резаные шрамы на...

Ваннах без всяких эмоций зачитывал перечень всех мало-мальски заметных шрамов на теле Никсона, коих в удалении от медицинского регенератора накопилось за годы бурной юности и службы в разведывательно-диверсионном отряде немало. Майкл только все больше дивился наличию в его личном деле таких сведений. Ведь понадобилось кому-то составлять эту географическую карту присутствующих на его теле примет. Наконец, капитан дочитал список до конца и удовлетворенно откинулся в кресле.

– На вашем предыдущем месте службы все перечисленные мной метки являются совершенно несущественными или даже имиджевыми признаками принадлежности к некой общности. Однако в настоящий момент вы проходите курсы переподготовки для дальнейшей службы в рядах Бюро Разведки и Контрразведки Федерации Объединенных Наций. В связи с этим, я хотел бы выяснить у вас – что мы предпримем по данным фактам?

– Не понял вопроса? – опешил Никсон.

– Что тут непонятного? – пожал плечами офицер. – Самый эффективный способ решения этого вопроса – это прохождение краткосрочного курса коррекции в аппарате регенерации. Пара-тройка дней и ни одного из перечисленных признаков у вас не останется. Секретный агент, работающий под прикрытием, просто не имеет права носить столь заметные отметины на своем теле.

– Не останется? – эхом откликнулся Майкл.

Раньше он и думать не стал бы – просто пошел и очистил шкуру от татуировок и шрамов. Но сейчас... На его теле были шрамы полученные еще в Вандере. А тот самый «вытянутый шрам на передней части теменной области» оставила девятимиллиметровая пуля из ствола тяжелого «Магнум Голд Винг», когда майор Лукин выстрелил ему в голову. Татуировки значили для Малыша и того больше. И еще, теперь Никсон понял то выражение лица и глаз, кото-

рые вначале принял за игру особиста. Капитан Ваннах не был никаким особистом. Он был именно тем, кем официально являлся – штатным кадровым аналитиком учебного потока. Офицер выполнял рутинную неинтересную работу и в его глазах, скрываясь за улыбками, царила скука.

– Раз вы спрашиваете моего решения, значит, существует альтернативный вариант решения этого вопроса, – смекнул Никсон.

– Альтернативный вариант? – переспросил капитан, словно не расслышал сразу. – То вопишь словно ужаленный – «Сэр! Есть, сэр!». А теперь задумался об альтернативном варианте. Значит, это не просто баловство и недомыслие, и тебе дороги эти отметины? Память. Метки из прошлого. Я прав?

– Да, сэр, – согласился Малыш. – Это не баловство. И раз уж Сука-Судьба отметила какие-то мгновения моей жизни, я хотел бы оставить все так, как есть.

– Ну-ну. Оставить, чтобы на старости лет, сидя у камина вспоминать былое, глядя на шрамы, словно на оглавление в толстой книге, – усмехнулся капитан Ваннах. – Глупо, хотя и вполне понятно.

– Шрамы я готов удалить, сэр, – добавил Никсон.

– А на кой убирать шрамы, если у тебя останется татуировка в полтела, и еще одна, по которой даже подразделение, в котором ты служил, не проблема вычислить? – сбросил улыбку офицер, став опять скучающе-серьезным. – Ладно, я понял твою позицию, курсант. Оставляем твои веселые картинки в покое. Но, имей в виду, что это ваше решение окажет серьезное воздействие на ваше дальнейшее распределение и карьеру. Свободен, курсант.

Никсон вышел из кабинета капитана Ваннаха и, моментально выбросив недавний разговор из головы, помчался в расположение своего учебного подразделения. И ему было совершенно наплевать, какие выводы сделал о нем штатный кадровый аналитик учебного потока Бюро Разведки и Контрразведки. Его ждал новый мир.

А капитан Ваннах аккуратно сложил листки в пухлую папку личного дела сержанта Майкла Никсона и, застегнув, сделал на обложке пометку: «Ограничение в работе под прикрытием. Предпочтительное использование в прямых силовых акциях».

* * *

Тяжелый вертолет, едва слышно подвывая турбинами и шелестя лопастями, спешил на юг. Его покрытый черной матовой краской корпус не отражал блики ясного погожего утра. Под раздутым брюхом раскинулись безжизненные с виду земли южно-американского континента. Вернее того немногого, что от него осталось. Люди так и не вернулись на эти земли, за исключением нескольких поселений каких-то изгоев, которые не могли отыскать для себя более комфортного места в огромном человеческом море. Реальной опасности давно не стило, и об этом лишний раз свидетельствовали многочисленные животные, очутившись без соседства с человеком в самых комфортных для себя условиях. Их популяции, в отличие от человеческой, увеличивались с каждым годом. Но для людей одной благоприятной экологической обстановки оказалось мало. Видимо, слишком сильно сами земля и воздух этих мест пропитались ужасом катастрофы, обращения в прах былого могущества и процветания...

– Напоминаю вашу задачу, – заговорил шеф-инструктор, чувствуя близость точки высадки. – Десантируетесь каждый в своем районе. Активируете в навигаторах файлы с координатами цели номер один. Совершаете марш-бросок в заданную точку, где ликвидируете цель. После этого перемещаетесь к месту общего сбора, координаты которого занесены в память тех же навигаторов. В условленный час всей собравшейся группой атакуете и уничтожаете цель номер два. После подтверждения ликвидации выдвигаетесь к точке эвакуации. Все легко и просто, как свидание с девушкой. Кто выбился из графика и не пришел к заданному

времени – отчислен. Кто не смог ликвидировать свою цель – отчислен. Кого подстрелила автоматическая стрелковая сторожевая установка – отчислен. Посмертно...

Вертолет резко пошел на снижение, одновременно закладывая пологий просторный поворот. Шеф-инструктор прервался на полуслове, бросил взгляд через открытую дверь в кабину пилотов и чем-то увиденным удовлетворившись, рывкнул:

– Первый жетон, на выход!

Высаживали группу в пятне радиусом около двухсот километров. Поэтому большей части курсантов предстояло еще летать и летать, в то время, когда их товарищи уже нырнут в горячий и влажный воздух Невады. Восточные и центральные штаты некогда великого государства, не выдержав катаклизмов начавшихся от удара новейшего русского оружия, получившего название «Гнев Посейдона», ушли в глубины океана. Само государство, как и многие другие, кануло в небытие, а некогда занимаемый им континент тоже неузнаваемо изменился. Вся гигантская площадь Скалистых гор превратилась во множество островов и архипелагов, а на месте некогда выжженных просторов Невады плескался мелководный Невадский залив, ограниченный с запада предгорьями хребтов Сьера-Невада и Каскадных гор. Малая глубина Невадского залива и пологие предгорья, больше похожие на небольшие долины, наверняка стали бы постоянным местом обитания свирепых тайфунов, цунами и прочих природных катастроф, если бы не надежная стража широкой Скалистой гряды островов. Под этой надежной защитой побережье Невадского залива превратилось в райский уголок. Райский и дикий. Потому что люди сюда так и не вернулись...

Крепление, к которому был «пристегнут» в сидячем положении костюм Никсона, откинулось, распахивая небольшой фрагмент борта вертолета, словно крышку армейской механической зажигалки. Мир для Майкла перевернулся, распахнувшись бесконечным простором. Поверхность земли нависла над головой – жизнерадостная, напоенная солнцем. Но долго любоваться проносящимися под брюхом вертолета видами Малышу не позволили – крепления разжались, отпуская его в короткий свободный полет к земле. Одновременно с этим вертолет отстрелил крошечную ракету, стремительно помчавшуюся к поверхности. Воткнувшись в грунт, ракета активировала встроенный радиомаяк малого радиуса действия. Заплечный посадочный модуль, используя этот сигнал маяка, провел короткое позиционирование. Двигатели стрельнули, разворачивая падающий боевой костюм модели «Авенджер» ногами к земле. Еще пару мгновений невесомость падения заставляла сглатывать подступающий к горлу ком, а потом тормозные двигатели заработали на полную мощность, стремительно замедляя падение двухтонной массы. Движение полностью остановилось, когда от поверхности до подошв стопы костюма оставалось менее полуметра. На секунду зависнув, посадочный модуль посчитал свою задачу выполненной и, отключив двигатели, отстыковался от костюма. Никсон пружинисто приземлился на ноги, перебежал несколько шагов до близкого массивного каменного валуна, гигантским столбом вздымающегося на десяток метров вверх. Вряд ли кто-то мог напасть на одинокого пехотинца пока боевой вертолет находился в радиусе визуального контакта, да и ничто из местного не могло представлять для облаченного в боевой костюм бойца реальной угрозы, но укоренившаяся привычка уходить с открытых мест заставляла действовать не размышляя о целесообразности.

Вертолет какое-то время летел медленно, сканируя местность вокруг точки высадки пехотинца, а затем, опутив тупорылую морду к земле, ускорился, беря курс на следующую точку десантирования. Некоторое время еще слышался глухой посвист его лопастей, словно стрекотали вдали гигантские цикады. Потом он смолк, уступив место испуганной тишине. Но в этом непуганом заброшенном мире такая тишина не умела жить долго. Вскоре окружающий мир вновь наполнился своим обычным многообразием звуков, обычным для мест, где не оказывает своего негативного влияния человек.

Малыш выждал еще пару минут, прислушиваясь к окружающему, загружая в навигатор файлы с координатами целей, проверяя работу всех систем боевого костюма. Где-то по самому краю сознания пробежала философская мысль о том, насколько проще приходится диверсанту, словно дикий охотник бегающему налегке, чем облаченному в такой костюм пехотинцу. Мысль была исключительно философской в первую очередь потому, что Малыш отлично понимал, что незащищенному тяжелой броней бойцу на поле боя долго не жить. Никакой бронезнергетический жилет не спасет. Даже облаченному в такой двухтонный костюм пехотинцу статисты скупом отмеряли всего лишь около десяти минут расчетного времени до уничтожения при участии в бою с полноценными пехотными подразделениями противника. Ну, а там уж кто насколько Суке-Судьбе приглянулся...

Костюм модели «Авенджер» выглядел со стороны словно облаченный в матово-черный скафандр уродец-горбун с головой полностью утопленной в массивные плечи. Только рост этого «уродца» составлял три метра. Если бы обывателю вздумалось попытаться вникнуть в устройство этого боевого комплекса, он наверняка сошел бы с ума от дикого переплетения последних разработок в химии, материаловедении, электроники, нанотехнологиях и черт знает в чем еще, что объединилось в последних творениях военной промышленности. Костюм окружал человека со всех сторон, полностью изолируя его от воздействия окружающей среды. Бесчисленные приводы и системы жизнеобеспечения, встроенное оружие с серьезным боезапасом и мощные кибернетические системы – все это превращало костюм в подобие легкого шагающего танка. Автономность костюма достигала у модели «Авенджер» пяти суток смешанного цикла функционирования. Это означало, что облаченный в такой костюм пехотинец мог пять суток бегать по полю боя, сражаясь, совершая маршброски, отдыхая внутри поставленного на пассивное дежурство костюма, прежде, чем иссякнут энергоблоки, запасы питательной массы и ресурс фильтрующих картриджей. До истечения этого срока костюм необходимо обслужить и перезарядить. Все это великолепие технического прогресса укрывали от попаданий противника плиты из многокомпонентной брони последнего поколения. «Авенджер» относился к легким боевым пехотным костюмам. Аналоги, предназначенные для тяжелой пехоты отличались большей защитой, боезапасом и тяжелыми видами стрелкового оружия, инсталлированного в носитель. Платой за это становилась меньшая скорость передвижения и меньший же запас хода. Но зато, подразделение тяжелой пехоты вплотную приближалось по своим тактическим возможностям к настоящему бронетанковому соединению, превосходя его в маневренности.

Загрузка файлов завершилась, и Майкл со вздохом шагнул прочь от каменного столба. Он слабо представлял, зачем ему могут пригодиться навыки использования пехотных костюмов, но, как минимум получить зачет за нынешнее испытание Никсону необходимо. А значит, он будет париться в этом чертовом костюме. Тем более, что новенький матово-черный костюм с красивым звездно-голубым флагом Федерации на нагрудной пластине, выглядел необычно и красиво на фоне фантастических пейзажей побережья Невадского залива. Можно будет позже попытаться заполучить съемку его действий, которую ведут кураторы от учебного центра, висащие высоко вверху на оборудованных для наблюдений тяжелых вертолетах...

Костюм создавался явно с учетом непроходимой тупости пилотов, поэтому навигатор заботливо проецировал красный маркер прямо на полусферу лицевой пластины из прозрачной керамо-брони. Майкл вышел на протоптанную зверями тропу, убегающую как раз туда, куда показывал маркер, и побежал.

Несмотря на приличный вес, костюм издавал при беге на удивление мало шума. По крайней мере, значительно меньше, чем от бегущего быка. Дополнительное сочленение на ногах костюма, оборудованное сложной бронированной стопой, позволяло пехотинцу двигаться быстро и почти бесшумно. Сустав этого сочленения сгибался в обратную сторону, коленом назад, придавая костюму схожесть хищным ящером. Разве что хвоста не доставало для полноты картины. В отличие от водителей другой бронетехники, пехотинец, облаченный в бое-

вой костюм действительно бежал, работая в движении всеми своими конечностями и вестибулярным аппаратом. Поэтому, несмотря на поддержку многочисленных приводов и искусственной мускулатуры костюма, перемещения пехотинцев во многом зависели от их физического состояния.

Малыш бежал легко, без напряжения, словно не в двухтонном костюме двигался, а в легкой одежде совершал пробежку в городском парке. Тренировки на полигоне учебного центра не прошли даром – Малышу даже нравилось это ощущение стремительного бега боевой машины. Он мог бежать так без усталости многие километры, скупое и размеренное расходуя свои силы...

* * *

К точке расположения первой цели Никсон вышел через пять с половиной часов, проделав за это время путь в добрую сотню километров по пересеченной местности. Даже запертый в бронированную скорлупу костюма, он неплохо ощущал себя в пространстве, каким-то чутьем определяя свое положение. Он не сомневался, что и без маркера навигатора безошибочно вышел бы в заданную точку. Замедлив бег, Малыш продолжал движение еще какое-то время. Красться, словно диверсант, в таком облачении он не мог. Такая попытка выглядела бы, как попытка бегемота перепрыгивать с кувшинки на кувшинку. Но, с замедлением скорости, поступь его стала вовсе бесшумной. Лишь внушительные габариты угловатого костюма не позволяли двигаться скрытно. Потому-то разведка и диверсанты никогда не использовали современную штурмовую технику в повседневной деятельности. Они в своем оснащении остаются так же легки и консервативны, как столетия назад. Впрочем, в сегодняшней операции такая скрытность и не требовалась. Тем более, что вышел в заданный квадрат Никсон с приличным опережением графика. Привередливо выбрав удобную для засады позицию, Малыш отступил в густой колючий кустарник и опустил в полусидячее положение. Он сделал несколько глотков питательной смеси из торчащей сбоку от лица трубки и дал костюму команду на полное отключение. Подчиняясь этой команде, костюм отключил совершенно все свои системы, став для сканеров противника неприметным неактивным массивным образованием с высокой концентрацией металлов. Это вполне позволяло обмануть аппаратуру, которой оснащалась большая часть техники. Теперь Майкл мог вовсе расслабиться, словно в жестковатом кресле. Максимально используя время вынужденной передышки, он мгновенно задремал. Высокий кустарник полностью скрывал от беглого взгляда непрошеного наблюдателя массивную фигуру, а впереди предстояли почти два часа ожидания...

Внутренние часы работали не хуже электроники. Поэтому проснулся Никсон именно тогда, когда запланировал. Теперь до появления цели оставалось не более десяти минут. Малыш не спешил активировать костюм, отлично понимая, что сразу станет отлично видимой целью для объекта. Вместо этого он терпеливо наблюдал сквозь прозрачную лицевую броню. Вечерний сумрак уже опустился на землю, но до ночной тьмы было еще далеко.

Цель появилась точно в назначенное легендой задания время. Вот только серьезность цели привела Никсона в некоторое замешательство. Три тяжело груженных транспортных автограва не представляли какой-либо проблемы для «Аведжера». Но вот боевое охранение... Во главе колонны плавно стелился плоским граненым корпусом легкий танк. А замыкал колонну автограв, на причудливой раме которого висели шесть «цыплят» – небольших стрелковых роботов, созданных для примитивных задач боевого охранения объектов или массовой атаки. Ростом эти механоиды не превышали метра, неся на себе пулемет с приличным боезапасом и кассету из десятка миниракет универсального назначения особо малого радиуса действия. Обтекаемая округлая форма корпуса и две тонкие ноги действительно придавали этим маши-

нам сходство с цыплятами, а турели пулемета и ракетной установки, расположенные по бокам, при изрядной доле воображения вполне сошли бы за растопыренные задиристо крылья.

Вся идущая в колонне техника, конечно, управлялась сейчас автопилотами, чтобы исключить потери среди обслуживающего тест персонала. Но вести ответный огонь по курсанту эти машины будут вполне настоящими боеприпасами. Именно на таких зачетных миссиях каждый раз бывает один-два погибших или серьезно раненых курсанта.

Не дожидаясь пока колонна поравняется с его убежищем, Малыш активировал «Авенджера» и сразу же бросил его в атаку. Такие режимы весьма неприятны для костюма – сложный комплекс переходит в режим максимальной нагрузки, не дожидаясь запуска и самотестирования всех составляющих его систем. Это чревато неожиданными отказами или ошибками в работе отдельных компонентов. Но, дожидаться полного перехода в рабочий режим Малыш не мог – слишком высокой могла стать цена выполнения всех условностей. Поэтому он погнал «Авенджера» прямо на возглавляющий колонну танк, на ходу активируя весь арсенал костюма. Бегущая фигура буквально ощерилась «играми» заградительных мин и миниракет, на предплечьях костюма взвыли приводами многоствольные крупнокалиберные пулеметы, наплечная броня приподнялась, освобождая путь высунувшимся головкам мощных ПТУРов.

Система обнаружения танка среагировала мгновенно – едва Никсон шевельнулся, как бронированная машина начала разворот, еще быстрее выворачивая в сторону угрозы орудие. Малыш про себя отметил, что не заглуши он все системы костюма, наверняка был бы обречен и уничтожен еще раньше, ведь дальность огня танка значительно превышала таковую у «Авенджера». Но Майкл уже поймал врага маркером целеуказателя и две противотанковые ракеты сошли со своих направляющих, росчерком торопливого пера метнувшись к бронированной смертоносной машине.

Никсон стремительно сместился в сторону от первоначального курса, уклоняясь от возможного ответного огня обреченной машины. Теперь его в большей степени тревожили соскочившие со своих креплений «цыплята». Запустив для надежности еще пару ракет по маркеру танка, Никсон послал по «цыплятам» с десятков миниракет с набедренных кассет и тотчас открыл огонь из пулеметов. Мощный взрыв сотряс землю и едва не сбил «Авенджера» с ног – на месте танка вспухла пламенная хризантема, полностью скрыв бронированную машину. Вокруг цыплят тоже вздулись пузыри взрывов, но в тот же миг из клубов огня и дыма выпорхнул целый рой ответных миниракет. Зафиксировавший нацеленные на него ракеты «Авенджер» выпустил с десятков заградительных мин. Их взрывы уничтожили атакующие ракеты. Однако не успели опасть взрывы мин и миниракет, как по броне «Авенджера» дробно замолотили пули. Их удары оказались на удивление существенными и Никсон даже немного сбился с курса. Замедлив бег, он восстановил равновесие. «Цыплята», не прекращая стрелять из пулеметов, выпустили новую партию миниракет. Майкл палил по птичьим силуэтам из пулеметов, видя, как отлетают от них какие-то обломки. «Авенджер» снова выбросил заградительные мины, но на этот раз несколько ракет благополучно миновали заградительный огонь. Все, что успел сделать Малыш – это подставить плечо, развернувшись боком и прикрывшись рукой костюма. Удар взрыва швырнул его назад, несмотря на вес. Две тонны новейших технологий рухнули, вздыбив целый фонтан земли и обломки каких-то деревьев. В разные стороны разлетелись обломки пулемета и чешуйки сколотой брони. На миг Майкл потерял ориентацию в пространстве, а, возможно, и сознание. Но, в следующую секунду, понимая всю величину угрожающей ему опасности, перекинулся на «живот», пытаясь быстрее подняться. Разваленная попаданиями рука костюма не подчинялась, да и по собственной руке Малыша побежала теплая струйка. Никсон не чувствовал боли в горячке сражения. Он кое как приподнялся и выпустил оставшиеся в кассетах миниракеты. Ведомые системой наведения «Авенджера» они развернулись в воздухе и устремились к приближающемуся врагу. Майкл почти сумел поднять тяжелый костюм на ноги, когда ударившие в спину ракеты, выпущенные противником, вновь

швырнули его на землю. Сфера лицевой бронепластины озарилась багровыми всполохами аварийных огоньков поврежденных систем. Из облаков дыма и пыли выбрались два «цыпленка», помятые, но боеспособные. Больше подниматься Никсон не пытался, поняв, что это пустая трата времени. Он запрокинулся на спину и, вскинув уцелевшую руку, открыл огонь из крупнокалиберного пулемета...

* * *

Когда Малыш открыл глаза, в сфере лицевой бронепластины не видно было ни зги. Даже контрольные диоды аварийных ситуаций все потухли – умный костюм обошел разрушенные цепи по аварийным путям, а там, где ничего нельзя было сделать, просто отключил неисправные блоки.

Майкл прислушался к своим собственным ощущениям и не обнаружил никаких тревожных симптомов. В стороне от того места, где распростерся «Авенджер», несколькими просторными очагами тлели остовы уничтоженных машин. Голова у Никсона гудела, словно замолкающий колокол, что свидетельствовало о контузии или близкой к ней травме ударными нагрузками. Малыш вывел на лицевую сферу изображение, передаваемое сканером-локатором, но ничего угрожающего в настоящий момент не обнаружил.

Приводы костюма отзывались на каждое движение пилота надрывным повизгиванием, а собственное тело вдруг залилось болью, но все же Никсон сумел перевернуться и встать вертикально.

Первая часть миссии была вполне успешно выполнена, но количество повреждений ставило под сомнение дальнейшее участие в зачете. Костюм кое-как мог перемещаться, но боезапас частично израсходовался, а частично был заблокирован искореженными частями костюма. Только пулемет на левой уцелевшей руке костюма еще продолжал полноценно функционировать. С ходовой частью тоже возникли некоторые серьезные проблемы – теперь приводы работали с таким шумом, словно их вот-вот заклинит. Однако сдаваться Никсон не собирался. Не гадая на будущее, он вывел на лицевую сферу маркер направления новой цели и побежал. К завыванию и визгу приводов и суставов добавился тяжелый топот из-за поврежденных стоп. Какое-то время Малыш даже боялся не удержать вертикально потерявший изначальную устойчивость костюм и рухнуть. Но уже на бегу он приноровился к изменениям в поведении «Авенджера» и сумел разогнать его до скорости совершенно исправного. Разве что собственных сил Майкла теперь уходило на такой бег значительно больше.

Теперь, монотонно и размерено передвигая конечностями, Малыш мог немного поразмыслить о происходящем. Положа руку на сердце можно было констатировать, что развитие ситуации застало его врасплох. Он совершенно не ожидал, что первая цель окажется столь многочисленной и сильной для всего лишь одного пехотинца в штурмовом костюме. Никсон предполагал, что противником окажется какой-нибудь аналог «Авенджера» и они устроят лихую дуэль. Теперь он даже не хотел представлять, что было бы, если бы попадания в танк не оказались столь эффективны или система обнаружения танка засекала засаду немного раньше. Прямого попадания из орудия танка с лихвой хватило бы для того, чтобы и «Авенджер» и его пилот завершили свой путь не только на этом зачете и в учебном центре, но и в этом мире. Майкл не боялся смерти, попросту не думая о ней, тем более в критические минуты. Более того, из всех предначертанных человеку смертей, он не задумываясь предпочел бы умереть в славном бою, как умирали его товарищи. Но умереть вот так, на зачете в учебном центре...

До точки сбора группы осталось не более пяти километров, когда одна из ног «Авенджера» окончательно вышла из строя, заклинившись в выпрямленном положении. Споткнувшись о собственную ногу, «Авенджер» со всего хода рухнул на землю. Малыш, плотно спеленатый системой управления костюма, чудом ничего себе не поотбивал, но мозги от такой

встряски едва не вытекли через уши. Собрав себя вновь, Майкл с трудом поднялся, надеясь справиться с костюмом и заставить его идти дальше, пусть и с потерей скорости. Но продолжение пути оказалось слишком трудной задачей для двухтонной искалеченной туши и «Авенджер» вновь упал, в который уже раз вспахав землю. Еще раз подняться Никсон даже не пытался – последние километры борьбы с костюмом здорово вымотали его, а падения внесли в это нескромную лепту. Теперь умирающий «Авенджер» становился стальным саркофагом для пилота. Злость темной волной поднялась внутри Малыша – проваленный экзамен автоматически закрывал ему путь к окончанию учебного центра и к тому пути, на который он уже настроился. Но, чем серьезнее становилась ситуация, тем яростнее Никсон прорывался сквозь стены проблем.

Отдавая последние силы, Майкл кое-как заставил умирающий костюм перевернуться в положение, в котором трансформации не раздавят весом костюма пилота и активировал программу аварийного снятия «Авенджера». Воздух мгновенно наполнился какофонией звуков: хлопками микровзрывов, рассерженным шипением пневматики, лязгом металла – «Авенджер» отстреливал, отстегивал, отсоединял свои части, разваливаясь буквально на куски и освобождая из своего чрева человека. Через несколько долгих мгновений Никсон смог выбраться из останков погибшего «Авенджера» и подняться на свои собственные ноги...

* * *

Из двух десятков облаченных в штурмовые пехотные костюмы курсантов, к месту сбора подтянулись от силы половина, да и те выглядели далеко не лучшим образом. Наблюдающие за происходящим с борта висящего над районом сбора вертолета кураторы учебного центра как один были раздражены и в общении этого раздражения не скрывали:

– Если у командования сложилось мнение, что выпускников излишне много, вполне достаточно просто отсеять необходимый процент на теории. Вовсе не обязательно уничтожать хорошо подготовленные армейские кадры так неэффективно, – возмутился один из них. – Они уехали бы в свои родные подразделения и принесли бы еще немало пользы.

– Совершенно с вами согласен, кивнул второй. – Не вижу никакого смысла столь очевидно ставить курсантов в безвыходные ситуации. Если бы такие условия применялись ко всем поголовно, а не произвольно выборочным путем, мы сейчас на второй точке остались бы без единого курсанта. Я планирую по возвращении писать об этой ситуации рапорт командованию. И вам советую поступить так же. Все должны находиться в равных условиях. Притом в условиях, из которых есть реальный выход.

Возмущение кураторов было вполне оправдано. Сегодня впервые опробовали новую методику проведения зачета. Видимо кто-то действительно посчитал существующий порядок слишком легким для курсантов Стоктонского учебного центра. И вот теперь увеличили потенциал учебных противников в общем, да еще и произвольно, решением процессора, части из испытуемых выпало оказаться в экстремальных условиях. Процессор посчитал задачу выполнимой, но на деле оказалось, что все курсанты, попавшие в экстремальный список, судя по всему погибли. Сама по себе гибель курсанта не являлась чем-то неординарным для учебных центров такого уровня. Но чтобы потерять половину группы за один единственный зачетный рейд...

– Есть сигналы от кого-нибудь еще? – повернулся к оператору слежения еще один, молчавший до этого, куратор.

– Нет, сэр! – мгновенно ответил тот. – Больше ни одного активного «Авенджера», сэр!

– Хороши эксперименты, – качнул головой первый куратор. – Пятьдесят процентов группы потеряно.

– Вернее будет сказать, что потеряны сто процентов курсантов, избранных координационной системой для экстремального тестирования. Явно перегнули палку.

Внизу, тем временем, оставшиеся от группы курсанты пошли на штурм оборудованного сложной АССУ укрепления. АССУ или Автоматическая стрелковая сторожевая установка с легкостью перекрывала большой сектор охраны, управляясь обычно мощным центральным процессором. Против такого сторожа у идущих на штурм объекта, было очень мало шансов. АССУ не размышляла и не никогда бывала растерянной. Она редко промахивалась и не скупилась на патроны, которых в ее боезапасе всегда хранилось несколько тонн весу. Но АССУ, которые использовались на полевых объектах учебного центра, были сильно изменены. Единый процессор управлял не только стрелковыми установками, но и подвижными мишенями, перемещающимися или установленными в своих, определенных планом обороны, местах. В зависимости от перемещения манекенов изменялась и интенсивность огня по различным направлениям. Как только какой-то манекен поражался достаточно для гибели изображаемой им боевой единицы, огонь с этого направления немедленно прекращался. Таким образом, ничего невыполнимого во втором задании теста не было. Вот только атакующие предстали перед укреплением слишком малым числом. И, совершенно закономерно, атака захлебнулась, едва успев начаться.

У большинства курсантов иссяк боезапас, некоторые получили повреждения, не позволяющие атаковать, остальные резонно опасались соваться столь малым числом под меткий огонь АССУ.

– Ну что, можно сворачивать операцию и возвращаться в учебный центр, – предложил первый куратор.

– Неожиданная концовка экзамена, – поддакнул второй. – Все, похоже, закончилось. В истории Стоктонского учебного центра еще не было прецедентов с такими результатами. Экзамен скоротечный и жесткий, но, чтобы вот так вся группа не прошла...

– Здесь опять возникает вопрос правомерности нового метода, – подал голос куратор, собиравшийся писать рапорт. – Наверняка результаты были бы совершенно иными, если бы экзамен проводили по той же схеме, что и раньше. И нам стоит определиться, стоит ли считать такой результат неудачей. Возможно, стоит принять сам факт прибытия на вторую контрольную точку как зачет. Тем более что полевая подготовка в школе пехоты не является профилирующей в нашем центре.

– Посмотрите-ка! – воскликнул первый куратор, не сводящий глаз с монитора наблюдения. – Там что-то происходит!

Мечась между деревьями и кустами, в сторону укрепления быстро двигался человек. В этом не было бы ничего удивительного, если бы не тот факт, что человек был без штурмового костюма, но при этом тащил в руках тяжелый крупнокалиберный пулемет, явно демонтированный с конечности «Авенджера».

Настроенный на распознавание штурмовых костюмов процессор слишком долго принимал решение, отыскивая подходящий для сложившейся ситуации протокол. Не стрелял и бегущий, вкладывая в свой стремительный бег все силы. Впрочем, вполне могло оказаться, что демонтированный с «Авенджера» пулемет, оставшись без громоздкой системы подачи боеприпасов, вовсе не мог стрелять. Человек был огромен и могуч, поэтому даже массивный станковый пулемет не выглядел в его руках очень уж чужеродно. Когда АССУ, наконец, получила команду от процессора, бегущий уже вышел на дистанцию ближнего боя. Со стороны укрепления взревела скорострельная пушка, разметывая фонтаны песка и земли. Человек даже не стал пытаться уклониться от стремительно приближающегося буруна разрывов. Вместо этого он, не замедляя бега, открыл огонь по замершему в двух десятках метров от него манекену, подтверждая, что сумел решить вопрос боезапаса. Тяжелые пули с такого расстояния разметали мишень на куски, словно она состояла из хрупкого фарфора. И тотчас пушка смолкла, вогнав

последнюю пулю прямо у ног человека. Процессор спешно гнал к месту прорыва ближайшие манекены, а АССУ безучастно ждала их выхода на визуальный контакт с нападавшим. Человек свернул в сторону, сам торопливо сокращая расстояние со следующей мишенью. Выскакивая на открытое место, он жутко закричал, словно выглянувший через его глаза давний предок, охотившийся на диких зверей. Пулемет басовито залаял одновременно с АССУ. И вновь, едва сделав первый выстрел, АССУ заткнулась вновь – манекен получил серьезные повреждения от пулеметной очереди в упор. Человек перемахнул через бруствер, оказавшись в траншее с направляющими. Он едва не полз по дну этого технического окопа, стремясь навстречу с новой целью. Но в этот раз АССУ среагировала на миг быстрее – пуля, вскользь задев бок, сбила человека с ног. Поэтому очередь, посланная им в мишень, прошла выше, лишь незначительно задев манекен по самому краю. Манекен двинулся к упрямо поднимающемуся человеку для более точного выстрела...

Кураторы замерли у мониторов, изумленные величиной безумства этого не понимающего своей слабости человека, решившегося противопоставить себя совершенной машине. Спасти его было уже совершенно невозможно – ни одна команда кураторов не опередит предназначенную ему пулю...

Пуля, рассчитанная на поражение бронированных целей, прошла сквозь плечо навывлет, словно сквозь масло. Но, удар от ее попадания оказался столь сильным, что Малыш кувырякаясь отлетел на несколько метров, избежав попадания следующих пуль из длинной очереди. Удар оглушил. Но, самое страшное – он выбил из рук Никсона пулемет. Вернее, тяжелое оружие практически осталось на том месте, где Майкл поймал пулю, а сам Никсон отлетел в сторону, выпустив из уставших пальцев непомерный груз. Он упал на спину, понимая, что обречен и жалея, что не потерял сознание. Манекен вновь надвинулся, и Малышу почудилось, что машина смотрит на него сквозь прорезь прицела. Ему вдруг стало зябко...

Ракета с телом чуть больше крупной авторучки мелькнула едва заметная глазу, врезаясь в тушу манекена. Астра взрыва на миг расцвела и тотчас опала. И холод отступил...

– Отличное представление! – воскликнул собирающийся писать рапорт куратор, видя, как «Авенджер», ворвавшись в периметр укрепления, расстреливают «державших оборону» манекенов.

Воспользовавшись брешью, которую неожиданно проделал в обороне потерявший свой костюм курсант, остальные бросились в отчаянную атаку. И первый из них, взлетел на бруствер как раз вовремя, чтобы выпустить последнюю оставшуюся у него ракету в ближайший манекен.

«Авенджер» бежали по территории захваченного укрепления, радостно вопя через свои внешние динамики какие-то боевые кличи. Стрелять было больше не в кого – мишени пали все и АССУ, следуя программным установкам, окончательно отключилась. Впрочем, все равно стрелять курсантам было уже нечем...

Малыш сидел, откинувшись на насыпной бруствер, и смотрел в чистое утреннее небо, особенно красивое для того, кто только что вновь непостижимым чудом сумел избежать верной гибели. И даже полевой медик, ковыряющийся в его плече и делающий какие-то уколы, совершенно не портил восхитительности момента...

* * *

– Разрешите, сэр? – заглянул в приоткрытую дверь кабинета руководителя сектора Сьерра Альфа дежурный координатор.

– Проходи, – мрачно кивнул полковник Хогг.

Мрачному настроению причин было более чем достаточно.

Джон Хогг родился в госпитале военной базы мобильной пехоты Федерации Объединенных Наций расположенной в Менонге, в семье потомственных военных, чьи предки были сол-

датами задолго до Всемирной Войны. Хогг старший командовал Третьей дивизией Земного флота. Даже мать Джона тоже служила в армии Федерации, имея звание сержанта медицинской службы. Оттого лучшего места для того, чтобы разрешиться от бремени, чем госпиталь, чета Хогг и придумать не могла. Поэтому, перед юным наследником славного рода Хоггов не стояло никакого выбора. Его будущее было предопределено и очевидно еще с рождения. Начальные классы прошли для Джона в одной из гражданских школ Менонга, где он показал отличную успеваемость. После занятий мальчик спешил вернуться на базу, чтобы принять участие в тренировках, которые устраивал для детей офицеров один из выделенных Хоггом-старшим сержантов-инструкторов. Пацанам нравилось, что сержант обращался с ними почти как со взрослыми: физическая подготовка, полосы препятствий, рукопашный бой... И, конечно же, в кругу офицерских детей маленький Джон тоже не мог ударить лицом в грязь – ведь его отец командовал дивизией. А сын командира дивизии должен быть лучшим.

Когда большинство его ровесников только начали обращать внимание на сверстниц, входя в возраст прыщавого и озабоченного юношества, Джон уже с головой окунулся в тяжелые армейские будни, перейдя из гражданской школы в военный колледж имени Янга Уикса. Это престижное учебное заведение располагалось в пригороде Монровии, поэтому здесь Хогг-младший по-настоящему почувствовал себя полностью оторванным от родителей. Конечно, немногим более четырех тысяч километров по прямой – не другая планета или хотя бы материк, да и отец ненавязчиво, но пристально следил за жизнью сына, используя свои каналы. Но мальчику, который еще не покидал до этого момента отчего дома дальше чем на несколько километров, и дольше, чем на несколько часов, город Монровия казался другим миром.

Но, как известно, время – корабль, никогда не бросающий якоря. И годы обучения в военном колледже минули, закалив Джона Хогга и огранив его так, как не правит многих и настоящая служба в армии. Видимо наследственные гены сыграли в становлении юноши немалую роль, потому что, помимо отменной успеваемости, он проявил и недюжинные способности лидера.

Лучший выпускник курса имел почетное право пойти в любое высшее военное учебное заведение без вступительных экзаменов. Джон Хогг выбрал Офицерскую школу в Пуэрто-Монт. Почти наверняка Хогг также с отличием закончив школу, пошел бы по стопам отца, поднимаясь по служебной лестнице в рядах мобильной пехоты Федерации. Но на одном из занятий Джон повстречался с ведущим курс противодействия разведывательно-диверсионным группам противника офицером из Бюро Разведки и Контрразведки Федерации Объединенных Наций. Преподаватель сумел настолько увлечь курсанта Хогга, что в середине последнего курса, Джон написал рапорт с просьбой о межведомственном переводе в Бюро Разведки и Контрразведки. Судьба благоволила Джону Хоггу – он получил сначала кураторство Бюро, а сразу после выпускных экзаменов и сам перевод распределением в один из офисов Бюро в Старой Европе. Через год перспективный офицер поступил в Академию имени Никсона в Сокото. Год учебы в академии пролетел совсем уж незаметно на фоне всей прошлой учебы, открыв Хоггу дорогу к высоким чинам и званиям...

Управление внешней разведки в Бюро Разведки и Контрразведки Федерации Объединенных Наций имело в своей структуре пять секторов. Схема построения была проще некуда – четыре государства, являющиеся потенциальными противниками удостоились чести иметь по именному сектору. Да еще пятый сектор, который занимался неведом чем, прорабатывая потенциальные угрозы извне, со стороны еще не обнаруженного, но столь же потенциального противника. Даже над названиями секторов не стали долго ломать голову, а окрестили их аббревиатурами названий государств используя фонетический алфавит. Так и получились: сектор занимающийся Государством Алатырь – Сьерра Альфа; Союзом Исламских Республик – Юни-корн Индия Ромео; Евразийской Империей – Экоу Индия; Австралией – Альфа. Пятый сектор от названия «Другие» в английской транскрипции получил первую букву Оскар. Этот способ

давать названия показался столь удачным, что даже у контрразведчиков сектор внутренней разведки назывался также по заглавным буквам Федерации Объединенных Наций – Фокстрот Юникорн Ноябрь.

Как и само Государство Алатырь, сектор Сьерра Альфа был наиболее крупным и многочисленным в Бюро Разведки и Контрразведки, расположив свой центральный офис в раскинувшемся над водами реки Нигер городе Сегу. А полковник Хогг, пройдя по своей успешной карьерной лестнице, являлся его руководителем. И все было хорошо, пока спецслужбы Государства Алатырь не потянули за тщательно спрятанные ниточки, словно рыбу неводом вытаскивая агентов Бюро самого разного уровня. Никогда ещё Бюро Разведки и Контрразведки Федерации Объединенных Наций не знало столь многочисленных серийных разоблачений своей агентурной сети. Агенты гибли, бесследно исчезали или высылались, секретная информация становилась достоянием алатырских спецслужб, вся построенная сектором Сьерра Альфа структура трещала по швам, попросту погибая... Это ли не причина для руководителя сектора пребывать в мрачном настроении?

– Какие новости? – спросил полковник, хотя по глазам дежурного координатора уже понимал, что хороших вестей сегодня вряд ли дождется.

– Ничего, что могло бы вселять оптимизм, сэр, – поморщился офицер. – Группа Стивелла, которой мы передали команду вывезти или ликвидировать хранилище, не сумела даже приблизиться к нему. Алатырьцы словно с цепи сорвались. Боюсь, после провала Стивелла у нас не осталось шансов на ликвидацию хранилища. Черт нас дернул его так расположить. Появилось новое предложение, сэр.

– И что же предлагают? – нахмурился Хогг.

– Идея почти бредовая, – заторопился офицер. – Направить к Марсу неопознанный корабль и попытаться прямым ударом уничтожить хранилище. Возможно, просто устроив катастрофу и обрушив на район расположения хранилища этот неопознанный корабль.

– Это не почти бредовая идея, – ответил полковник, терпеливо выслушав предложение. – Она абсолютно бредовая. Кто, интересно, предложил такую идею? Впрочем, не интересно совсем. По крайней мере, этот идиот, по всей видимости, совершенно не представляет что такое Государство Алатырь. Хотел бы я посмотреть на того, кто сумеет провести корабль сквозь систему планетарной защиты. А уж последствия такой акции даже я представить затрудняюсь. Трудно вообразить какой ответ последует со стороны алатырьцев. А в том, что они сумеют разобраться в истоках такой нечаянной аварии с неопознанным кораблем, я ни на миг не сомневаюсь.

– Я тоже так полагал, но решился озвучить...

– Нужно срочно отправить еще одну группу, – вскочил со своего массивного кресла Хогг. – Ронять на Алатырь корабль нельзя, но, если алатырьцы доберутся до хранилища, мы в таком дерьме окажемся, что нам уже не отмыться. К чертям эвакуацию. Дать задание уничтожить хранилище любой ценой.

– Сэр. У нас нет сейчас на территории Государства Алатырь ни групп, ни одиночных агентов, которые сами не оставались бы на волосок от провала, – ответил без прикрас дежурный координатор. – В таком положении никто из них просто не сумеет добраться до хранилища, но при этом мы потеряем их всех.

– Значит, отправим кого-то отсюда, – отрезал полковник, а затем, несколько мгновений подумав, добавил. – Знаешь что. Чем глупее и примитивнее действия, тем больше шансов переложить ответственность на инициативность рядовых функционеров. Нам нужны те, кто и хранилище ликвидировать сможет, при удачном стечении обстоятельств, и от кого мы сможем откреститься в случае провала. В идеале – это должны быть те, кто и вовсе живыми алатырьцам не дастся.

– Где же нам взять таких камикадзе? – улыбнулся невольно дежурный координатор. – Япония сгинула в пучине Всемирной Войны.

– Нам не нужны камикадзе. Нам нужны те, кого брать живыми будет, к примеру, нерентабельно, – пояснил Хогг. – Поставь перед аналитиками такие вводные для поиска. Уверен, что мы сумеем отыскать нужных нам людей.

* * *

– Ну, что, брат, ты, насколько я в курсе, закончил обучение, – констатировал Ралф, и в его голосе отчетливо звучали горделивые нотки, словно это он только что с отличием завершил свое обучение в Стоктонском учебном центре.

Ралф Филби умудрился вырваться из паутины своих дел и прилететь в Стоктон за два дня до выпуска учебного курса Стоктонского учебного центра. Он не мог прибыть именно на выпуск, но справедливо посчитал, что лучше провести и поздравить друга чуть раньше, чем не провести вовсе. Он даже добился от командиров Никсона короткого увольнительного, что, впрочем, в последние дни пребывания курсантов в центре не являлось очень сложной задачей. И вот теперь они сидели в небольшом кафе, расположенном неподалеку от учебного центра. Отмечать встречу и окончание учебы спиртным не решились, но хозяин кафе предложил великолепный кофе и вкуснейшую свежую выпечку.

– В принципе, да, – не стал возражать Никсон. – На днях должно быть торжественное построение в честь окончания. Так что, если опустить формальности, я действительно уже закончил учиться.

– Переживаешь перед распределением? – улыбнулся Филби, вспоминая, как сам страшно волнуется каждый раз, когда его судьба делает мало-мальски важный поворот.

– Вряд ли, – пожал плечами Майкл. – Просто жду. Какой смысл волноваться, если никак не можешь повлиять на события.

– Ты счастливчик, – позавидовал Ралф. – А я всегда здорово психую, хоть и стараюсь вида не показывать. Ты слышал о новостях с границы?

– У нас тут новости не слишком быстро доходят, – отрицательно качнул головой Малыш, едва не облившись при этом горячим кофе. – А те, что доходят, обычно уже сильно несвежие.

– Может это и к лучшему. Новости-то не из разряда радостных, – заметил Филби. – Опять несколько случаев боевого контакта на границе неосвоенного.

– Контакта с кем? – едва не поперхнулся Майкл и опасливо отставил чашку с кофе, боясь, что на третий раз оно все же попадет не туда, куда надо.

– Этого даже сами участники контактов не всегда знают. Одно ясно на двести процентов – мы подобрались совсем близко к тем, о ком раньше могли только предполагать. Сведения противоречивы, да и наши еще в таких контактах не участвовали. В основном это подразделения Евразийской Империи. Они же больше всех остальных вместе взятых занимаются исследованием неосвоенного. Одних только научно-исследовательских судов несколько сотен в постоянном поиске. А теперь у них еще и новая программа, в которой совместно участвуют ученые и военные.

– Сдается мне, что расшевелят скоро осиное гнездо. Найдут приключений и на свои, и на наши задницы, – проворчал Малыш, вспоминая свою встречу с чужими на Новых Колониях.

– Ты недооцениваешь потенциал человечества, – улыбнулся Филби. – Есть даже подозрение, что имперцы ведут реальные и полноценные боевые действия вдали от дома. И действия весьма успешные. И выжидая ничего хорошего в таких делах не дождешься. Тут, брат, имперцы верно говорят – двух смертей не бывать, а одной не миновать. Мы готовы к встрече. И можем надеяться на мирный исход именно благодаря этой готовности.

– Да пёс с ними, – махнул рукой Майкл. – Ты мне лучше про свои новости Расскажи...

* * *

– Сегодня я не стану говорить своих обычных цветистых речей, – искренне пообещал шеф учебного потока, выглядевший как всегда идеально. – Сегодня вы сами знаете себе цену. Сегодня ваши плечи приняли на себя новую тяжесть, которую вам должно с честью нести по своей жизни. Это тяжесть лейтенантских погон. И я верю, что разойдясь отсюда сегодня своими дорогами, вы многократно в разных уголках мира, в разных мирах, будете прославлять Стоктонский учебный центр, доказывая снова и снова, что здесь учатся только лучшие из лучших...

Шеф учебного потока, вопреки обещанию, говорил еще долго и напыщенно. Потом он передал слово следующему офицеру учебного центра, затем еще одному... Наконец, все закончилось и новоиспеченных лейтенантов отпустили с миром.

Никсон подхватил свою сумку с немудреными пожитками и устремился к выстроенным вдоль длинной стены столикам. За ними сидели рядовые и сержанты роты обеспечения учебного центра. По длинным спискам они отыскивали новое место назначения подошедшего к столику выпускника и быстро оформляли ему проездные и прочие необходимые документы. На плацу замерла колонна армейских автогравов, готовая доставить выпускников в Стоктон, откуда они уже сами будут добираться до своих новых мест службы.

– Город Сегу, Управление внешней разведки, Сектор Сьерра Альфа, свободное назначение, – сообщил сидящий за столом сержант, отыскав фамилию Майкла в списке. – Поздравляю вас, сэр, с окончанием курса.

– Спасибо, – кивнул Никсон. – Послушай, а что такое свободное назначение?

– Это совершенно обычная вещь у нас. Часто выпускников распределяют в головной офис, а уж потом, оттуда рассылают по настоящим местам службы. Так удобнее и секретнее. Тогда пишут как в вашем случае – наименование головного офиса и формулировку «свободное назначение».

– Ну да, – усмехнулся Майкл. – Секретнее. Ладно. Удачи, сержант.

– Всего наилучшего, сэр...

* * *

– Сэр! Разрешите войти?

– Вы уже вошли, – сухо улыбнулся капитан службы внутренних расследований.

– Простите. Я не очень хорошо знаю... – замялся остановившийся в дверях человек, представляющий медицинско-аналитический отдел. – Вы меня вызывали?

– Еще бы! – воскликнул капитан. – После такого отчета и рапорта, который вы написали, удивительно, что вас не вызвали раньше. Я хочу получить от вас некоторые разъяснения.

В кабинете капитана службы внутренних расследований, помимо его самого и вошедшего только что растерянного сотрудника медицинско-аналитического отдела присутствовали еще двое офицеров. Один из гостей был облачен в повседневную форму с нашивками Разведывательного батальона Первой дивизии Земного корпуса Вооруженных сил Федерации. Второй же и вовсе был одет в гражданскую одежду, но носил звание майора и принадлежал ведомству Федеральной Службы Государственной Безопасности, тесно сотрудничающему с сектором Оскар Управления внешней разведки в Бюро Разведки и Контрразведки Федерации Объединенных Наций. Проще говоря, майор служил в отделе, занимающемся различными контактами человечества с представителями иных миров.

– Я полагал, что сформулировал все четко, – начал было медик, но, наткнувшись на лезвие взгляда хозяина кабинета, осекся. – Я готов.

– Давайте не будем перечитывать весь ваш отчет. Вы нам просто человеческим языком и как можно проще сформулируйте то, что хотели сказать в рапорте. Только не надо растекаться водой по древу. Давайте в двух словах.

Хотя говорил с медиком капитан службы внутренних расследований, но, внимательные взгляды гостей свидетельствовали о том, что тема эта волнует всех представителей столь разношерстной компании в равной степени.

– Опуская все результаты исследований, мы можем сделать один вывод, – собрался с духом медик. – Сержант Никсон... Как бы лучше выразиться... Одним словом, он не человек...

– Что? – опешил капитан, несмотря на то, что отчет читал внимательно и примерно таких слов и ожидал.

В кабинете повисла растерянная тишина – все присутствующие переваривали услышанное, по-новому просматривая сухие строки отчета.

– Ну, я бы не стал утверждать столь категорично и громко, – улыбнулся офицер разведки, решив подать голос. – Я не вижу из вашего рапорта прямых доказательств такого суждения. К тому же, мы наблюдаем за ним давно. Вернее было бы сказать, что мы курировали его с того самого момента, когда, убегая от своих проблем, он попал рядовым новобранцем в подразделение мобильной пехоты. И с самого начала он выглядел на фоне остальных совершенно неординарным индивидуумом. Но, это не повод столь возвеличивать его качества.

– Я внимательно изучил все доступные мне материалы по этому человеку, – заверил в ответ сотрудник медико-аналитического отдела. – Мы не говорим ни о каких внешних его свойствах или качествах характера. В нашем отчете отражены исключительно медицинско-биологические параметры. Я утверждаю, что он не человек вследствие того, что его параметры до определенных событий на Зелдаре и после них разительно отличаются.

– После событий на Зелдаре, в которых он принимал участие, прошло немало времени, – отметил «гражданский». – Почему вы не подняли вопрос произошедших перемен сразу же после его возвращения? Ведь полный комплекс обследований, наряду с отчетным сканированием, должен проводиться в обязательном порядке. Или ваши коллеги не следовали требованиям инструкций? Чей это недочет?

– Я полагаю, что это не недочёт, – перешел в оборону медик. – Дело в том, что проявления этих свойств непосредственно после возвращения с Зелдара не было столь явным. Лишь значительно позже, сравнительно недавно, они проявились в полной мере.

– Так значит, все-таки человек? – переспросил, следуя логике, капитан разведки. – Просто чем-то заболевший человек. Заболевший в результате тех же событий на Зелдаре.

– Это не болезнь, – возразил медик. – Все намного сложнее. Его внутреннее строение на уровне целых органов осталось прежним. Ничего не добавилось и не исчезло. Но, на клеточном уровне он стал совершенно иным и продолжает меняться...

– К чему это ведет? – нетерпеливо перебил майор службы госбезопасности.

– Я постараюсь объяснить все предельно коротко и доходчиво. У среднестатистического здорового человека при травме капиллярных сосудов малого диаметра время свертывания составляет пять-шесть минут. Через десять минут после ранения полностью формируется тромбоцитарный сгусток, останавливающий кровотечение. Одновременно с этим начинается каскад реакций, в которых существенную роль играют лейкоциты нескольких видов. Распознавая попавшие в организм клетки по принципу «свой-чужой», они убивают вредоносные антитела, при этом и сами гибнут, словно защищающие свое гнездо осы. Этот процесс заживления длится три-пять дней после ранения. Ну, а потом начинается процесс образования рубцового дефекта, занимающий до двух-трех недель. Это, конечно, весьма примитивно и приблизительно. Так вот, у нашего пациента все эти сроки меньше на порядок. То есть за то время, когда у любого из нас пройдет всего лишь свертывание крови, у него вполне успеет закончиться

заживление. Я даже не буду говорить о том, что, как такового процесса свертывания его кровь вовсе не проходит. У него все немного иначе. Да и лейкоциты не гибнут. Вернее будет сказать, что они просто другие. Не забывайте, что я привел примерные сроки процессов при легких травмах, когда задействованы мышечные ткани и кожный покров. Это если вы, к примеру, палец себе порежете. Если же будут повреждены внутренние органы или крупные артерии, то и последствия окажутся совершенно иными, а попросту говоря, весьма плачевными. С ним картина вырисовывается совсем иная. То, что для вас принесет неминуемую и быструю гибель, для него, скорее всего, окажется досадным неудобством и не более.

– Вы бредите? – фыркнул хозяин кабинета.

– Я не говорю, что он бессмертен в действительности, – пояснил медик. – Хотя, оперируя результатами экспериментов, не могу откинуть такую версию полностью...

– Даже так? – задумался майор.

– Это не розыгрыш, – заверил медик. – Все настолько серьезно, что... Мы просто ни разу не встречались с таким в реальной работе. Возможно у меня чрезмерно разигралась фантазия, но, вы просто представьте – что, если то, что мы имеем в результате отчетного сканирования не совсем, вернее совсем не то, что происходило на самом деле. Что если все совсем иначе? Если на самом деле произошла хитрая подмена? Если, в результате этой подмены, с Зелдара вернулся совсем не Майкл Никсон?

– Это уже полный бред! – решительно отмахнулся капитан службы внутренних расследований. – Как вы представляете себе подмену результатов отчетного сканирования? К тому же вы сами сказали, что после Зелдара долгое время все его параметры если и отличались, то совсем незначительно. Как это объяснить, исходя из вашей догадки?

– Мы говорим о возможном вторжении в наш мир чужой расы. И, как следствие, можно предполагать использование врагом при этом мощи по своим возможностям превышающей нашу многократно. Мы не можем даже предположить на что они способны.

– Если бы все было так, как вы предположили, то они не допустили бы того, чтобы вы сумели обнаружить отклонения, – заверил «гражданский».

– Совершенно верно, – поддержал разведчик. – А почему вы постоянно говорите так, словно не имеете полных данных?

– А мы и не имеем полных данных, – согласился безоговорочно медик. – Все выводы, которые я вам только что доложил, сделаны на основании стандартных анализов крови объекта, проведенных перед отправкой его в учебный центр и более ранних проб, полученных после возвращения его группы с Зелдара. Полномасштабное обследование может как упрочить нас в этих выводах, так и развенчать их, выявив невидимую с теперешней позиции ошибку, повлекшую заблуждения.

– Так о чем мы все тут сейчас говорим? – нахмурился «гражданский». – Проведите всестороннее исчерпывающее обследование и выясните все, что вам не ясно. Кто мешает вам в условиях лаборатории разобрать его на атомы и дать точные ответы? Лично я совершенно уверен, что это всего лишь изменения его иммунитета или проявление новых способностей по регенерации, полученные при инфицировании неизвестным нам пока вирусом. Вы же отлично знаете, что на Зелдаре было применено вирусологическое оружие, от которого пошли совершенно непредсказуемые мутации. Этим вполне может объясняться и то, что другие не заразились. Ведь изменения не наблюдаются у остальных участников событий?

– Ни у кого более, – признал медик.

– Это еще один довод против подмены. Как и зачем подменили незаметно его одного, но, при этом оставили остальных? Разве не логичнее было бы заменить всю команду? Так что, на данном этапе вся эта история ни что иное, как сплошная глупость. И ее выяснение лежит в хорошо оборудованной лаборатории. Или у вас нет достойной лаборатории?

– У нас одна из лучших существующих лабораторий, – обиженно насупился медик. – Но, помимо лаборатории, мне, как минимум, нужен доступ к пациенту.

Все взгляды немедленно обратились к капитану разведки.

– Это не проблема, – заверил он уверенно. – Майкл Никсон буквально на днях закончил обучение в Стоктонском учебном центре. Так что, в настоящее время он принадлежит ведомству Бюро Разведки и Контрразведки и пребывает в чине лейтенанта. Скорее всего он уже получил распределение к новому месту службы. Полагаю, нам не составит труда выяснить, куда был распределен наш бывший подопечный. А господин майор поможет добиться его перевода в лабораторию.

– Непременно, – кивнул майор службы государственной безопасности. – Только я хочу вас всех сейчас попросить оставить весь наш разговор, да и этот отчет, до поры до времени между нами. Не стоит привлекать к этому делу ни более широкий круг знающих, ни, даже, наше руководство. По крайней мере до той поры, пока не будет получено однозначных и четких ответов на все наши вопросы.

Все присутствующие жестами выразили свое полное согласие с просьбой майора и, не тратя более времени на пустые разговоры, простились друг с другом, торопясь к своим старым и появившимся только что заботам.

* * *

Легкий быстроходный корабль фельдъегерской почты обменялся кодами доступа с диспетчерами ближайшего спутника, миновал пугающий строй одного из флотов Государства Алатырь, «стоящего» на геостационарной орбите, и, приблизившись к Марсу разрешенным коридором, плавно скользнул в атмосферу.

Когда-то вокруг планеты вращались только два естественных спутника – Деймос и Фобос, но со временем к ним добавились еще два, не уступающих в размерах, но совершенно искусственных. Еще задолго до Всемировой Войны России удалось разместить на Марсе базу присутствия. Тогда и началась интенсивная колонизация одного из ближайших к Земле соседей. Чудом удалось избежать падения Фобоса на поверхность планеты – орбита спутника уменьшалась из-за постоянного торможения об атмосферу Марса. Успешно реализованная программа отвода Фобоса на новую орбиту радиусом около сорока тысяч километров позволила избежать катастрофы. Итогом этой долгой программы стало рождение программы новой, направленной на «наращивание» естественных спутников и создание новых. Но, лихо, сотрясающая весь мир, едва не похоронила новую программу вместе с базой присутствия, несмотря даже на явную гигантоманию создателей базы. Только с созданием независимого Государства Алатырь, в которое превратился военно-промышленный марсианский комплекс, насчитывающий на тот момент немногим менее пятнадцати миллионов человек различного персонала, к программе «наращивания» спутников вернулись. Естественные спутники поспешно «достроили» многочисленными уровнями и системами жизнеобеспечения. Поверх всей этой вакханалии технологических изысков одели броню, ошетилившуюся бесчисленными батареями смертоносных систем. К моменту ввода в эксплуатацию обновленных Деймоса и Фобоса, на разных орбитах планеты «заложили» еще два искусственных спутника, которые завершали собой одну из самых совершенных систем защиты планеты от посягательства извне. Имена они получили – Перун и Лайлат.

Поверхность Марса менялась не менее стремительно и глобально. Атмосфера медленно «исправлялась», приближаясь своим составом к Земной. Но процесс этот происходил слишком медленно. И города, не дожидаясь окончания этих перемен, вздымались куполами искусственной атмосферы, разбегаясь от гигантской старой базы присутствия, ставшей центром столицы Государства Алатырь, словно капли и лужицы ртути от разбившейся об пол пробирки. Вся

столица как-то «нечаянно» переняла название этой старой базы присутствия – Новая Москва. Алатырцы торопились стать совершенно независимыми от всего остального человеческого мира, пока этот мир, оправившись от жутких потрясений войны, не заявил свои права на марсианскую колонию. А между автономностью большой базы и независимостью пусть даже маленького государства бездонная пропасть. Тем более что роль маленькой и немощной державы для Государства Алатырь не подходила категорически. Ибо кто в мире, привыкшем выбирать тон общения исходя исключительно от силовых параметров оппонента, стал бы считаться с мнением слабого? И на Земле-то чудом выживала Австралия, тонко лавируя на серфинге политических интриг между гигантами, слившимися из выживших. Даже те, кто казался нерушимым и самоуверенным не сумел выжить во Всемирной Войне. Не стало Японии и многих стран старой Европы, по большей части исчез весь североамериканский континент, унесся под толщу вод считавшее себя владыкой мира государство, укрывавшее ранее этот континент лоскутным одеялом штатов...

Но, видимо, как не раз уже бывало в истории человечества, на одной площади собралось такое количество неординарных личностей, готовых встать на защиту своего мирка против всего остального мира, что их мирок вопреки всем и всему выжил, превратившись в одно из сильнейших с военной точки зрения государств.

Стоянка посольства Федерации Объединенных Наций в порту Сибирь-2 насчитывала шесть площадок и отдельный полностью автономный терминал. Едва только изящный корпус корабля фельдъегерской почты замер на указанной диспетчером стоянке, как от терминала к нему устремился раздутый, словно причудливый дирижабль, автограв. Сходство с дирижаблем добавляли огромные тонированные окна. Покрывая сверкающим стеклом большую часть автобуса, они создавали ощущение легкости и воздушности громоздкого транспорта. Лихо развернувшись перед замершим на стоянке кораблем, автограв сдал назад, прижимаясь к области шлюза корабля своей кормой, похожей на присоску гигантской пиявки. Со стороны разобрав происходящее в недрах странного автограва не представлялось никакой возможности – стенки машины были полностью экранированы от любого вида наблюдения. Впрочем, на то оно и посольство, чтобы держать в тайне все свои действия и перемещения. Как говорит старая поговорка, отлично характеризующая большинство действий посольских работников в других странах и весях: «Не пойман – не вор». А есть что предъявить – предъявляй. Но если предъявил и опростоволосился, ошибся, обознался – готовься ответить по всей строгости международного права и глумящегося оппонента. И тут уж злобные политики и посольские чиновники спуску не дадут. Хотя, положи руку на сердце, любой политик любой страны сто семь раз отмерит, прежде чем один раз слово об Алатыре вымолвить. Потому как все знают – Алатырь обид не прощает и действует так, как считает адекватным. Вот только для всего остального мира ответ такой ой каким неадекватным может оказаться. И тут гражданам Государства Алатырь было чем гордиться. И знают они, что являются гражданами великого государства, с которым не считаться не может никто в мире.

Никсон, вместе с еще четырьмя пассажирами, покинул борт корабля, напоследок махнув приветливому веселому сотруднику фельдъегерской почты, который за веселой беседой помог скоротать двое суток нудного полета. Он с интересом прислушался к своим ощущениям – в организме была такая легкость, что, казалось, прыгни и приземлишься метрах в десяти, а то и еще дальше. В голове всплыла не особенно полезная сейчас информация об ускорении силы тяжести, которое здесь почти в три раза меньше земного. Не особо полезной потому, что повсеместно во всех марсианских поселениях функционировали установки искусственной коррекции силы тяжести. Но в короткие минуты перехода из приземлившегося корабля в автограв для перевозки пассажиров и быстрый переезд на нем до границ терминала можно было ощутить, как тело становится намного легче, заставляя настороженно относиться к ограничивающим простор потолкам.

Майкл никогда еще не был на Марсе, успев побывать на разных, намного более отдаленных от Земли, планетах. Но, оказавшись в чреве раздутого автограва, Малыш обнаружил, что в целях соблюдения конфиденциальности доставки грузов, ни одно из огромных окон портового автобуса не является настоящим окном. Глухие стенки, тусклое освещение, куцые сиденья – вот и все убранство сверкающей витражами машины, превращающие ее изнутри в ужасного клаустрофобией. Поэтому, о направлении и интенсивности движения автограва сидящих в тесном пассажирском отсеке информировал лишь их вестибулярный аппарат.

– С успешным приземлением вас! – поприветствовал пассажиров худощавый блеклый человек в деловом костюме неопределенно темного цвета.

– А оно могло быть не успешным? – поинтересовался вместо приветствия Майкл.

– Да нет, – безразлично ответил блеклый человек. – Таких случаев пока не зафиксировано. Вы получили все инструкции относительно ваших действий?

– Абсолютно, – кивнул Малыш, жалея, что не может отвернуться от скучного собеседника к окну по причине отсутствия такового.

– Тогда мне остается только напомнить вам всем, что в случае провала операции Федерация не может взять на себя ответственности за ваши действия.

– Мы в курсе, – ответил за всех Никсон, чувствуя, как настроение окончательно портится. – Как оказалось, у нас вполне естественно бросать своих солдат...

– Это философия, – прервал его блеклый человек. – Все лекции вам уже прочли при подготовке. Но вы здесь, а значит, нет смысла что-либо обсуждать. Напомню также, что у вас стоят блокировки от проведения отчетного сканирования. Так что постарайтесь из чувства самосохранения не угодить в камеру сканера. Иначе, вы можете сильно позавидовать мертвым.

Малыш, как и его временные спутники, даже отвечать ничего не стал, совершенно потеряв интерес к окружающему и терпеливо дожидаясь момента начала операции. Этот безликий чиновник не мог сказать ему совершенно ничего нового, а тем более приятного или полезного. Перед отправкой на задание над ними действительно слишком долго колдовали в центре отчетного сканирования. И ощущения эти были много хуже тех, что бывают при стандартном сканировании. А после завершения неприятной процедуры, руководивший ею офицер разведки подробно разъяснил отобранным бойцам про установленные блокировки и про то, что они или сойдут с ума, или умрут от болевого шока при попытке провести отчетное сканирование в течение ближайшего месяца-двух.

Разговаривать о чем-то еще с блеклым человеком не возникало никакого желания, поэтому оставшееся время Майкл молчал. Также молча, он покинул громоздкий автограв, перейдя, вслед за остальными, через рукав в недра терминала. Короткое путешествие по коридорам здания завершилось в просторном помещении внутреннего гаража, где уже ожидали своей очереди три длинных, сверкающих черным лаком и наглухо тонированными стеклами автограва. Подчиняясь жесту блеклого человека, Никсон забрался в один из них, вольготно раскидываясь на шикарном пассажирском диване. Немедленно что-то едва слышно заскрипело в недрах машины, словно невидимый бур набрал обороты, сверля толстое стекло.

– Не волнуйтесь, – ответил на удивленные взгляды блеклый человек. – Это система подавления. Пока она работает, внутренности этой машины останутся невидимыми для всех внешних наблюдателей.

На этот раз путешествие оказалось намного более комфортабельным – диван лимузина не шел ни в какое сравнение с неудобным стульчиком в портовом автобусе. А стекла, хоть и непомерно толстые и наглухо тонированные, все же позволяли рассмотреть проносящийся за ними мир. Никсон только мысленно восхищался, рассматривая гигантские здания, уносящиеся своими вершинами куда-то бесконечно высоко. Многочисленные прозрачные трубы транспортной городской системы опутывали этих гигантов густой паутиной. В воздухе текли потоки самых разнообразных аппаратов. Не доставало разве что обилия зелени, над которой так трясутся вла-

сти всех городов Федерации. Но, в общем, такого разгула технократической проектно-инженерной мысли Майкл не видел и в крупнейших земных городах.

– Приехали! – известил водитель, направляя автограв в разверзшийся зев ворот. Машина скользнула в темноте бетонного тоннеля и вырвалась в широкий зал подземного гаража. Еще пара поворотов и автограв замер на хорошо освещенной площадке возле прозрачных раздвижных дверей, за которыми маячили широкоплечие фигуры охранников.

Пассажиры выбрались из чрева автогравов и последовали за блеклым человеком, который уже преодолевал гостеприимно распахнувшиеся двери.

– У меня инструкции немедленно вывести вас за территорию посольства Федерации, – сообщил он, словно кто-то из прибывших диверсантов просился переночевать в посольских спальнях. – Надеюсь, у вас нет весомых аргументов против.

Его вопрос встретило только всеобщее молчание. Никсон тоже посчитал лишним отвечать, лишь смерив говорившего, который вызывал все больше негативных эмоций, презрительным взглядом.

– Отлично, – кивнул блеклый человек, делая жест троим мужчинам в форме службы безопасности посольства, терпеливо ожидающих в стороне с армейскими брезентовыми сумками в руках. – Следуя инструкциям, вам надлежит переодеться в произведенную местными мануфактурами одежду и получить денежные средства, имеющие обращение в Государстве Алатырь с целью дальнейшего использования их для выполнения вашего задания.

Все прибывшие молча начали раздеваться, бросая свою одежду прямо на пол. Они отлично знали инструкции, которые выучили лучше, чем любой святоша свои молитвы. Помимо инструкций они помнили наизусть ориентировки по адресам, на которых можно было, в случае необходимости, разжиться документами и оружием. Поэтому теперь обнаженные молчаливые мужчины совершенно спокойно копались в поставленных перед каждым сумках, выбирая подходящую по размеру и предпочтениям одежду. Благо тот, кто сваливал все в эти объемные сумки, отлично знал габариты прибывших и их размеры обуви. Через пять минут с переодеванием было покончено. Малыш облачился в светлые удобные псевдоармейских широкие штаны, выцветшую футболку, легкую спортивную куртку с множеством карманов и мягкие высокие ботинки, подобные которым носят пехотинцы при десантировании в условиях жаркого климата. Бесформенная вместительная сумка, повешенная через плечо, дополнила картину, превратив сержанта Вооруженных сил Федерации Объединенных Наций в слегка помятого крупного, но невзрачного гражданского.

– Отлично, – повторился блеклый человек, окидывая выстроившихся бойцов взглядом и извлекая из внутреннего кармана своего строгого пиджака пять довольно пухлых конвертов. – Здесь приличные суммы денег. Их должно вам достать на всю операцию. Никакой связи с нами до выполнения миссии у вас не будет. Поэтому хочу вас предупредить, если вы еще не усвоили это хорошенько. Вы будете работать на территории государства Алатырь. Здесь многое совсем не так, как на Земле, в других государствах. Не афишируйте наличие больших денег. Иначе не спецслужбы, а простые граждане, проявив бдительность и преданность своей стране, сдадут вас с потрохами. Вообще запомните хорошенько, что именно бдительность и патриотизм гражданского населения позволяет спецслужбам быть столь эффективными. Не недооценивайте окружающих. Все совершеннолетние поголовно и независимо от пола и вероисповедания проходят здесь срочную службу в рядах народной армии. И поверьте, Государство Алатырь готовит своих срочников так, как не готовят профессионалов во многих наших заведениях. Отсюда их неплохая физическая и тактическая подготовка, и умение взаимодействовать с действующими подразделениями полиции, народной армии и вооруженных сил.

– Мы помним это, – равнодушно ответил Майкл, рассовывая деньги по разным карманам куртки и штанов – крупные купюры поглубже, мелкие в карманы подоступнее.

– Все помнят? Тогда не станем тянуть, – неприятно улыбнулся блеклый человек. – Чем быстрее вы покинете территорию посольства, тем спокойнее мы все здесь будем себя чувствовать. Лейтенант, эвакуируйте наших гостей по схеме «Икс три».

– Принято, сэр! – шелкнул каблуками офицер в форме подразделения охраны посольства.

Малыш шагнул к двери, на которую жестом указал офицер. Ему не с кем было прощаться и не о чем говорить с окружающими его сейчас людьми. По большому счету он уже сейчас находился на чужой территории, а значит и друзья остались далеко позади.

Шагая за лейтенантом, Никсон прошел запутанными коридорами посольства, спустился на уровень еще более глубокий, чем тот, на котором располагался подземный гараж. Вскоре остановились в небольшой комнатке, тускло освещенной потолочным светильником. Комната оказалась совершенно пустой: только две двери – в одну они только что вошли, а другая располагалась прямо напротив первой.

– Дальше вы пойдете одни, – пояснил офицер, отпирая электронный замок двери. – Света в тоннеле нет, потому, что мы не могли незаметно проложить силовые кабели для системы освещения. Алатырцы наверняка сразу же обнаружили бы такие подземные коммуникации. Но заблудиться просто невозможно – тоннель совершенно прямой и ровный. Протяженность тоннеля около километра. Правда, и времени на неспешные прогулки у вас тоже нет. Через пятнадцать минут после того, как вы уйдете в эту дверь сработает система ликвидации тоннеля. Здесь включатся насосы высокого давления и весь тоннель наполнит специальный раствор с периодом затвердевания в три часа. Через эти три часа весь тоннель превратится в монолит из подобия промышленного бетона. Так что – это одноразовая дорога в один конец.

Расспрашивать и обсуждать было нечего, поэтому Малыш молча шагнул в темноту, расставляя руки в стороны и чувствуя под пальцами гладкую холодную поверхность стен. За его спиной зашелестели шаги остальных диверсантов. Едва через порог перешагнул последний, как дверь за их спинами с тихим лязгом затворилась, отрезав скупые отсветы из небольшой комнаты. Сначала шли медленно, привыкая к темноте и необычности положения, но потом прибавили, почувствовав, что можно двигаться без опаски во что-то врезаться или куда-то упасть. В темноте время практически потеряло свой осязаемый бег, словно сама бесконечность поглотила весь мир. Только монотонные автоматические движения. Из-за этого нескончаемого движения тоннель оборвался неожиданно – при очередном шаге нога врезалась в преграду и Майкл, не успев вскинуть вперед руги, врезался в стену. Ему в спину тотчас уткнулся бегущий следом. Шаря вокруг руками, Малыш наткался только на гладкий бетон. В тоннеле почувствовалось какое-то движение – толи неясный звук, толи едва осязаемое колебание вытесняемого из коридора воздуха.

– Похоже, система самоуничтожения запустилась, – прошептал один из торопящихся сзади, а Никсон вдруг представил, что будет, если коридор закончится тупиком. И в этом тупике все они и останутся навсегда, залитые раствором, словно мухи смолой, превращающейся под действием времени и природы в янтарь. Когда-нибудь далекие потомки, перестраивая здания и разбирая фундаменты или копая котлован, будут изумляться, обнаружив такую странную посылку из прошлого. Эти мысли не были паникой – слишком хорошую психологическую подготовку прошел Малыш. Просто мозг его отметил один из вариантов развития событий, происходивших сейчас с ним. Но в следующий миг он отбросил эту версию, не сумев отыскать достаточных причин для столь бестолковой расправы с группой оперативников. Вариант был явно глупым и нерентабельным. Майкл вновь торопливо зашарил по стенам, начиная от пола и поднимаясь вверх. И, добравшись пальцами до высоты низкого потолка, вдруг не нашел его над головой. Потянувшись, он с облегчением нащупал высоко расположенную скобу. Дернув для проверки прочности, решительно перенес весь вес своего тела и ловко полез вверх, нащупывая все новые и новые скобы.

– Здесь, – коротко буркнул он, легонько лягнув кого-то для обозначения направления.

Спутники быстро сориентировались и полезли следом. Когда упершись холкой, Малыш откинул в сторону тяжелый люк и выполз в серый полумрак какого-то подвального помещения, снизу послышался плеск быстро прибывающего раствора. Поднявшись на ноги, он помог выбраться остальным и после этого отошел подальше от черного провала тоннеля, туда, где виднелась в полутьме лестница к узкой пластиковой двери. Но, вопреки наихудшим опасениям, раствор не хлынул наружу. Видимо строители тайного лаза просчитали и это, закачав в резервуары ровно столько раствора, сколько мог вместить созданный ими коридор. Теперь они действительно оказались на территории Государства Алатырь и дело осталось за малым – разбежаться в стороны, разными путями постараться добраться до заданного объекта, активировать систему самоуничтожения и покинуть Государство Алатырь тем путем, который сообщат тому, кто сумел уцелеть после выполнения задания. Одним словом – сущие пустяки...

* * *

– Информатор из посольства федералов сообщил, что в последний раз прилетел не простой борт, – доложил Ильнур Пележ, появившись на пороге кабинета своего шефа.

– Это все, что он сообщил, – вскинул бровь Славомир Зенин.

– Практически все, – развел руками Ильнур, отлично понимая, что столь абстрактные сведения в устах сотрудника спецподразделения звучат детским лепетом. – Он не сумел выяснить ничего конкретного и это само по себе уже наводит на размышления. Слишком плотно закрыто все, что касается последнего рейса фельдьегерской почты.

– А ты сам что думаешь? – прямо спросил Славомир, пристально глядя в глаза своего оперативника таким взглядом, под которым совершенно невозможно уйти от ответа.

– Я считаю, что нас водят за нос со всей этой историей, как собаку, вцепившуюся в палку и не догадывающуюся выпустить ее, чтобы схватить вора за руку, – ответил Пележ после секундного раздумья.

– Нет, это совершенно исключено, – возразил Славомир, отводя взгляд от коллеги. – Никто не пойдет на игру с такими потерями. Я уверен, что все по-честному. Только вот не могу понять, чего они добиваются. Их сеть гибнет, а они рвутся к какой-то неясной цели, жертвуя своими матерыми оперативниками, словно пешками.

– Значит, есть что-то или, скорее всего, кто-то, кого они должны вытащить от нас любой ценой, – продолжил мысль шефа Ильнур. – Я даже не представляю, что могло бы стоить так дорого.

– Престиж. Престиж у спецслужб может стоить дороже любых потерь. Но, вряд ли они из-за собственных амбиций все это замутили. И я сомневаюсь, что человек может иметь такую ценность. Это что-то, чего мы не замечаем под самым своим носом. Надо отдать им должное – в этой игре, несмотря на потери, они нас переигрывают. Нужно думать и рыть землю. А больше всего нам нужен всего один живой функционер, – поморщился Зенин, вспомнив, что, несмотря на преимущество в информированности, они так до сих пор и не смогли продвинуться в своем последнем задании. Сеть федералов разваливалась под натиском алатырских спецслужб, но агенты, которых пытались захватить, либо гибли во время задержания, либо умирали при отчетном сканировании.

– Информатор уверен, что в посольство на этом корабле доставили новую группу, – вспомнил Пележ начало разговора. – Так что, командир, у нас, похоже, начинается второй раунд.

– Дай-то Бог, – невесело улыбнулся Славомир. – Нам нужен их функционер, задействованный в этом проекте. И нужен любой ценой, как и федералам любой ценой нужна их неведомая цель.

* * *

На пяточке перед небольшой придорожной закусочной пристроилась только пара потертых автографов. Их угловатые брутальные корпуса лучше всяких слов говорили, что в столь удаленном от Земли мире дизайнерская мысль строителей транспорта пошла своим путем. Эти творения гражданского автопрома больше походили на агрессивную и напористую военную технику.

Никсон окинул взглядом вечернюю улицу рабочего пригорода и неторопливой походкой направился в недра ресторана фаст-фуд. Пахло подгоревшим подсолнечным маслом и какой-то еще совсем не полезной едой. Но для Малыша существовало, как минимум две причины не воротить от этого места нос. Первая, совершенно банальная – голод. Тем более что и родился Майкл далеко не в процветающих кварталах, и к дешевой, но сытной еде таких закусочных привык с детства. Второй причиной являлось то, что эта закусочная служила одной из явок, адреса которых он наизусть выучил еще перед отправлением.

– Биг-бургер, картошку и колу, – буркнул он, оказавшись перед тощим кассиром-официантом. – И еще фирменный соус «Сальса».

– Биг-бургер, картошку, колу, соус «Сальса», – автоматически повторил официант, хмуря бровь в тщетной попытке вспомнить в не слишком обширном меню закусочной соус с таким странным названием.

Он работал тут совсем недавно и мог просто забыть какую-то позицию. Однако и афишировать такую забывчивость парень не решался, резонно опасаясь остаться без работы за такое прегрешение. Но, к его немалой радости, автоматическая касса, принимающая голосовой заказ клиента, подтвердила наличие в ее электронных мозгах такого пункта, как фирменный соус «Сальса». Аппарат мелодично тренькнул, являя на свет цифры общей суммы заказа.

– С вас два с половиной кредита, – выпалил кассир-официант, внутренне радуясь, что его место пока еще останется за ним.

Никсон протянул десятку, терпеливо дождался сначала сдачи, а потом невзрачного пакета из дешевой бумаги с уложенным в него заказом. В отличие от тщедушного юноши по другую сторону стойки, Малыш знал, что «фирменный соус «Сальса» вовсе не съедобный продукт. Правда в пакете обязательно найдется и синтетический тюбик с неведомым каким соусом в яркой, словно спасательный жилет упаковке. Это словосочетание послужило ключом, запускающим в недрах кассового аппарата совсем другой механизм. Сигнал преобразовался в текстовое сообщение, отправленное с совершенно чистого номера коммуникатора. Немедленно после отправки текстового сообщения чип-карта этого номера стала центром короткого замыкания и выгорела дотла. Тот, кто получил сообщение, вполне мог бы его даже не читать – слова «Я соскучилась!» вряд ли передали бы кому-нибудь хоть какой-то смысл. Важен был лишь сам факт получения сообщения с данного номера.

Малыш как раз покончил со своим Биг-бургером, когда в закусочной появился новый посетитель, сразу привлечший его внимание. Болезненно худощавый мужчина вошел расслабленной походкой, но его глаза внимательно обшаривали столики немногочисленных посетителей. Заметив на столе перед Майклом яркий тюбик, он поднял глаза. Встретившись взглядом с Никсоном, мужчина на мгновение замер, сморщив обтянутое тонкой желтоватой кожей лицо, а затем решительно приблизился к столику.

– Разрешите?

Никсон только молча кивнул, рассматривая подошедшего человека.

– Чем я могу быть полезен? – поинтересовался худощавый мужчина терпеливо выждав несколько секунд молчания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.